

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

ПОВЕСТИ О
НАСТОЯЩЕЙ
ДРУЖБЕ

Анатолий Георгиевич Алексин
Повести о настоящей дружбе
Серия «Золотая классика – детям!»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65296366
Повести о настоящей дружбе: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-135003-1*

Аннотация

В книгу «Повести о настоящей дружбе» вошли самые знаменитые произведения Анатолия Алексина о подростках, их проблемах в школе, о взаимоотношении в коллективе, о понимании между родителями и детьми и, конечно, о любви. Сложный мир уже не детей, но еще и не совсем взрослых увлечет юных читателей, заставит задуматься, лучше понять своих ровесников и родителей, поможет пережить первую любовь и научит всегда следовать за своей мечтой, при этом не раниа окружающих.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Мой брат играет на кларнете	5
Коля пишет Оле, Оля пишет Коле	55
Оля и Коля	55
О чем бы он мог рассказать...	58
Возле старого дуба	65
Клетка без птицы	71
Холмик во дворе	78
Письма и телеграммы	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

**Анатолий
Георгиевич Алексин
Повести о
настоящей дружбе**

Посвящаю жене моей Татьяне Алексиной

*** * ***

© Алексин А.Г., насл., текст, 2021

© Челак В.Г., ил., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Мой брат играет на кларнете

Из дневника девчонки

21 декабря

Почти все девчонки в нашем классе ведут дневники. И записывают в них всякую ерунду. Например: «Вася попросил у меня сегодня тетрадку по геометрии. Тайно попросил и очень тихо, чтоб никто не услышал. Зачем? Почему именно у меня? Почему так таинственно и с большим волнением? Уже полночь. Но я размышляю об этом и не засну до утра».

Васька просто-напросто решил сдать домашнее задание по геометрии. Именно у нее, потому что у меня он уже сдал. «Тихо, таинственно!...» А кто же делает это громко? «С волнением!» Еще бы Ваське не волноваться! Девчонки обожают придавать самым обыкновенным поступкам мальчишек какой-то особый смысл.

Я тоже девчонка, но я понимаю, что дневники должны вести только выдающиеся люди. Нет, я ничего такого о себе не думаю. Но у меня есть брат, он учится на втором курсе Консерватории. Он будет великим музыкантом. Я в этом не сомневаюсь!

И вот по моему дневнику люди узнают, каким он был в детстве.

Мой брат играет на кларнете. Почему не на скрипке? Не

на рояле? Так хотел дедушка. Он умер, когда мне было всего два года. А брат Лева старше на целых пять лет, и дедушка начал учить его музыке.

Долгие годы я слышала о том, что наш дедушка «играл в фойе». Я не знала, что такое фойе, но слово это казалось мне очень красивым. «*Фойе*», – четко выговаривала я. А когда первый раз сходила в кино и увидела музыкантов, которые играют в фойе, мне стало жаль моего бедного дедушку: зрители переговаривались, жевали бутерброды, шуршали газетами, а старые люди на сцене играли вальс. Они прижимали к подбородку свои скрипочки и закрывали глаза: может быть, от удовольствия, а может быть, для того, чтоб не видеть, как зрители жуют бутерброды.

Мой брат не будет играть в фойе! Он будет выступать в роскошных концертных залах. Сейчас он готовится к конкурсу музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Мне жаль, что кларнет называют духовым инструментом. Когда я думаю о духовых инструментах, то сразу почему-то вспоминаю похороны и медный оркестр, который идет за гробом. Кларнет можно было бы назвать как-то иначе... Но что поделаешь!

Учусь я средне, но это не имеет никакого значения. Я решила посвятить свою жизнь не себе, а брату. Так ведь часто бывало с сестрами великих людей! Они даже не выходили замуж. И я не выйду. Ни за что! Никогда!.. Лева уже знает об этом. Сперва он возражал, но потом согласился.

Мы договорились, что сам Лева в отличие от меня будет иметь право на личную жизнь, но лишь тогда, когда добьется больших музыкальных успехов. Лева весь, без остатка будет принадлежать искусству. У него не будет оставаться времени ни на какие обыкновенные человеческие дела и заботы. Все это буду исполнять за него я. Фактически я отрекусь от собственной жизни во имя брата! И поэтому мои тройки не имеют никакого значения. К сожалению, мама и папа этого не понимают.

– Ты неплохо устроилась, – как-то сказала мама. – Значит, Лева будет учиться, с утра до вечера играть на кларнете, совершенствоваться, готовиться к конкурсам, а ты будешь всего-навсего посвящать ему свою жизнь. Какие-то у тебя иждивенческие настроения!

– А сестра Чехова, по-твоему, тоже была иждивенкой? – спросила я в ответ.

– Ну уж... хватила!

Мама изумленно развела руки в стороны. Когда нечего сказать, легче всего разводить руками. В общем-то я сама виновата: не надо слишком уж откровенничать со своими родителями – они обязательно используют эту откровенность против тебя.

Но зато когда-нибудь о Леве напишут книгу, и в нее войдут отрывки из моего дневника. Недавно я читала такую книгу о великом поэте. «Сестра поэта», – было написано под одной фотографией. А под моей напишут: «Сестра кларне-

тиста». Или лучше так: «Сестра музыканта». Это будет мне скромной наградой.

Вот зачем я стала вести дневник.

«Что-то я не слышал про такую профессию – сестра кларнетиста», – сказал мне однажды папа. Он тоже, увы, не всегда меня понимает.

К несчастью, не все еще знают, какой это важный инструмент – кларнет. Именно он начинает Пятую симфонию Чайковского! Разве многим это известно? «Незаметный герой оркестра» – так говорит о кларнете Лева. Он даже рад, что кларнет «незаметный». Он и сам бы, наверное, хотел быть незаметным. Такой у него характер. Но я этого не допущу!

Летом всему нашему дому слышны звуки кларнета. Но многие не знали, из какого именно окна летят эти звуки. Я объяснила, что это играет мой брат. Даже в холод я распахиваю окна, чтобы жильцы не отвыкали от Левиного кларнета.

Всем соседям я уже рассказала, что Лева готовится к конкурсу. Пусть меня считают нескромной: я готова ради брата на любые страдания! В общем, я уже давно решила вести дневник. Но начать его я хотела не просто так, а с какого-нибудь знаменательного дня. И вот этот день настал!

Сегодня перед первым звонком меня схватил в раздевалке десятиклассник Роберт, по прозвищу «Роберт-организатор». Такая у него манера: он не останавливает, не берет за руку того, кто ему нужен, а именно хватает. За что попало: за руку, за плечо, даже за шею. Представляете? Меня он схва-

тил за рукав.

– Организуешь своего брата? На вечер старшеклассников!

Роберт обычно лишь первую фразу произносит нормально, по-человечески, а на дальнейшие разъяснения у него уже не хватает времени. И он начинает говорить быстро, пропуская глаголы, будто диктует телеграмму.

– Новогодний вечер! Первое отделение – стихи, классическая музыка. Второе – джаз и танцы. Классической музыки у нас нет. Вся надежда на брата. На твоего.

Я сразу сообразила, что никогда в жизни не будет больше такого прекрасного случая прославиться на всю школу. Не могу же я всем без исключения сообщить, что мой брат учится в Консерватории, а тут все сразу узнают! Однако я решила немного помучить Роберта, чтобы он не думал, что заполучить моего брата так просто.

– Видишь ли, – начала я, – мой брат готовится к конкурсу музыкантов-исполнителей...

Слова «на духовых инструментах» я опустила.

– Вечер старшеклассников: только десятые! – сказал Роберт. – Ты в седьмом. Но вот два билета. Тебе и брату. Организуешь?

Что будет с моими подругами, когда они узнают, что я приглашена на вечер старшеклассников? Который может им только присниться! В самом счастливом сне!..

И все-таки я сказала:

– Надо узнать: у брата новогодняя ночь может быть уже

занята. Наверно, он приглашен куда-нибудь на концерт, а потом на бал музыкантов-исполнителей...

– Наш вечер двадцать шестого, – сказал Роберт. – Организуешь?

Новогодний вечер за пять дней до Нового года! Хотя что же тут удивляться, если Роберт умудрился недавно организовать воскресник в четверг?

– Ладно, – сказала я. – Это нелегко, но я постараюсь. – И взяла два билета.

22 декабря

Я хочу еще кое-что записать о вчерашнем дне. Когда я пришла домой, Лева играл на кларнете. Он всегда играет: и утром и вечером. Представляете? Как у него хватает терпения! Просто понять не могу. Хотя отчасти все же могу... Лева занимается любимым делом, а когда занимаешься таким делом, сразу откуда-то появляются терпение и воля. Вот если бы я, к примеру, должна была готовить уроки только по литературе, я бы могла их готовить круглые сутки и отвечала всегда на пятерки. Потому что я занималась бы любимым делом! Но геометрия, физика, химия... Откуда возьмешь столько терпения? И зачем заставлять людей заниматься тем, что им никогда в жизни не пригодится, что им неприятно и даже противно?! Понять не могу. Когда кто-нибудь входит в комнату, Лева не прекращает играть: он словно бы ничего не замечает. А мы ходим на цыпочках.

Но вчера я не выдержала и сказала:

– Прости меня, Лева... Но есть важная новость. Тебя просят выступить у нас в школе на новогоднем вечере.

Лева несколько секунд помолчал. Когда его отрывают от музыки, он как бы приходит в себя или, точнее сказать, возвращается к нам из какого-то другого мира. Так мне кажется...

– Тебя просят выступить у нас на новогоднем вечере, – повторила я, потому что первую мою фразу Лева мог не слышать: он был в другом мире.

– Я готов, – сказал Лева. – В принципе я готов... Но слушать сольное выступление на новогоднем вечере?.. Кларнет выигрышной звучит в оркестре. Может быть, пригласить весь наш студенческий оркестр? Это будет эффектней.

Еще чего не хватало! Чтоб скрипки вылезли на первый план, а мой брат сидел где-то в углу? И чтоб кланяться выходил дирижер, а мой брат превратился в «незаметного героя оркестра»? Нет, я хочу, чтобы он был заметным!

– Ваш оркестр просто не поместится на нашей сцене, – сказала я. – И никто его вовсе не приглашал. Просили тебя. Персонально! У нас в школе обожают кларнет. Вот два билета. – Я положила билеты на стол и добавила: – Значит, пойдем?

«Уж сколько лет ты пытаешься подарить ему свой характер, а он не принимает подарка. Смирись, дитя мое, смирись!» – сказал как-то папа.

И все же Лева иногда подчиняется мне, хоть и старше на целых пять лет. Он говорит, что у меня «острый практический ум». Лева не объясняет, хорошо это или плохо. Он вообще не любит много говорить, разъяснять: он мыслит музыкальными образами. Так мыслят все настоящие музыканты.

– Я готов... – сказал Лева. – В принципе я готов. Но мой аккомпанемент?

«Мой аккомпанемент» – так Лева называет студентку Консерватории Лилю, которая всегда сопровождает его сольные выступления.

Лилия не только аккомпанирует Лева – она влюблена в него. Это всем абсолютно ясно. И поэтому она не откажется выступить у нас на вечере. Я не мешаю Лиле смотреть на Леву преданными глазами и даже иногда оставляю их вдвоем: потому что Лилия толстая, в очках и с веснушками всюду – на носу, на руках и даже на шее. Я испытываю доверие к некрасивым женщинам: они не могут отвлечь моего брата от музыки, и это так благородно с их стороны!

И мама, я заметила, тоже предпочитает некрасивых подруг. По крайней мере, когда она предупреждает папу: «Сегодня вечером ко мне в гости придет очаровательная женщина», папа почти всегда усмехается и преспокойно уходит вечером к соседу играть в шахматы. Он не верит, что мама приведет к нам в дом очаровательную женщину.

Я готовлюсь к новогоднему вечеру. И представляю себе, как все будет... Мой брат сыграет одну вещь, только одну!

– Что ты сыграешь, Лева?

– Надо что-нибудь легкое... «Полет шмеля», например.

– Нет, не такое известное. На «Шмеле» у них далеко не улетишь. Надо их поразить!

Последние слова я произнесла совсем тихо, как бы про себя. Лева таких фраз не любит.

– Может быть, из «Франчески да Римини»?

– Это пойдет!

После «Франчески» мой брат скроется за кулисы. Ему будут бешено аплодировать. Он снова выйдет, будто лишь для того, чтоб раскланяться. Но тут я поднимусь и скажу: «Сыграй, Лева, еще. Я прошу тебя».

И назову такое произведение, какого никто из старшеклассников никогда в жизни не слышал. Лева послушается и сыграет. А потом он спустится в зал и сядет возле меня. А потом будут танцы...

– Ты будешь танцевать только со мной, – сказала я брату.

– В принципе я готов... Но ты знаешь, я плохо танцую. Старомодно...

– Тем более. Чтобы не осрамиться, танцуй только со мной. Поклянись!

– Ладно, клянусь.

Конечно, мне будет труднее, чем Наташе Ростовской на ее первом балу! Ведь она была среди взрослых, а они нормальные люди и ведут себя по-человечески. Разве их можно сравнить с нашими десятиклассниками? Эти все время ехидни-

чают, посмеиваются. И уверены, что они гораздо взрослее взрослых. По мнению моей мамы, это как раз и говорит о том, что они еще абсолютные дети, потому что, как утверждает мама, ни один взрослый человек никогда не захочет казаться старше своего возраста. Но сами-то десятиклассники не догадываются о том, что они абсолютные дети. И никто им этого не объяснит: просто никто не решится. Поэтому они и дальше будут изображать из себя утомленных «героев нашего времени», которых ничем на свете не удивишь.

А я, может быть, удивлю. По крайней мере, они мне позавидуют!

27 декабря

Да, у Наташи Ростовой первый бал был гораздо счастливей, чем у меня. Гораздо счастливей!..

Я не знаю, как полководцы планируют свои военные операции. Пытаются ли они заранее представить себе действия противника? Может быть, и пытаются... Но от этого у них, конечно, возникает много разных трудностей и сомнений.

Когда же мой «острый практический ум» составляет какой-нибудь план, то вначале, пока я придумываю, все идет очень легко и просто, потому что участники будущих событий действуют так, как мне хочется. И в этом, я думаю, главный недостаток моих планов. Потому что потом, в жизни, участники событий начинают поступать по-другому, как им самим хочется. И тогда все летит кувырком.

Вчера так и случилось. Об этом просто стыдно писать. Но я все-таки напишу, раз уж взялась за дневник. А то у будущих исследователей жизни моего брата возникнут разные неясности. И они начнут разыскивать свидетелей, расспрашивать их. А эти свидетели... Нет, уж лучше пусть все узнают от меня. Так будет спокойнее и вернее!

Неприятности начались с самого начала.

Я была уверена, что увижу возле школы толпу своих подруг – шестиклассниц и семиклассниц, которые будут рваться на вечер. Тогда Лева должен был взять меня под руку, толпа расступится, а мы – гордо пройти сквозь нее к дверям школы. Там должны были стоять два старшеклассника с красными повязками на руках. Оба они в один голос должны были воскликнуть: «Это вы из Консерватории? К нам на концерт? Мы вас ждем! Разденьтесь, пожалуйста, за кулисами».

Чтоб они так воскликнули, я привела Леву буквально в последнюю минуту, перед самым началом вечера.

Но никакой толпы возле школы не оказалось. Мои подруги всегда мечтали хоть немного потолкаться среди старшеклассников. Но вчера они не пришли.

Так ведь всегда бывает, всегда... Вот, например, раньше, еще до того, как я окончательно решила не выходить замуж, мне иногда хотелось, чтобы какой-нибудь мальчишка увидел меня во дворе в моем новом платье. Я гладила это платье, врала маме, что я приглашена к подруге на день рождения.

А мальчик во двор не выходил! То ли заболел, то ли родители его за что-то наказывали, то ли тетя из другого города в гости приезжала, но только он, который целыми вечерами слонялся по двору, как раз в этот вечер сидел дома.

А я должна была торчать неизвестно где часа два или три. ведь не могла же я вернуться со дня рождения через десять минут! Да, к сожалению, всегда так бывает... И вчера тоже так получилось.

Но самое ужасное произошло позже, прямо на вечере. Хотя лучше уж расскажу по порядку, чтоб не сбиваться.

Десятиклассник с красной повязкой на рукаве бросился нам навстречу.

– Вы из ресторана «Звездное небо»? – спросил он Леву.

– Он из Московской консерватории, – ответила я. – Это мой брат! Он будет выступать у вас на концерте.

Я указала на черный старинный футляр, который достался Леве от бабушки. Этот футляр с кларнетом Лева прижимал к себе и словно обнимал обеими руками. Десятиклассник внимательно, с подозрением оглядел моего брата. Мне казалось, он скажет сейчас: «Откройте-ка свой футляр. Посмотрим, что у вас там внутри!» Но он просто махнул рукой:

– Проходите.

И мы вошли в вестибюль. Никто не предложил нам раздеться за кулисами, и мы долго стояли в очереди возле гардероба.

Десятиклассницы, повзрослевшие от нарядных платьев, с

выходными туфлями под мышкой, говорили о том, что танцы будут до одиннадцати ночи, что наш школьный джаз подготовил какую-то новую программу и что, может быть, даже приедет артист, который поет в ресторане «Звездное небо».

Я презирала этих напудренных и надушенных девиц, которые не обращали на нас с Левой никакого внимания. Хоть бы старинный дедушкин футляр их заинтересовал! Наконец одна все-таки повернулась ко мне. Я благодарно улыбнулась ей, поздоровалась.

– А ты как сюда попала? – спросила она.

Я презирала этих девиц, но робела перед ними. И за эту свою робость еще сильнее их презирала.

– Я с братом, – тихо сказала я.

О кларнете и Консерватории я почему-то не решилась упомянуть.

Десятиклассница прищурилась и окинула Леву таким взглядом, будто размышляла: стоит ли выходить за него замуж? Эти десятиклассницы часто оглядывают так незнакомых мужчин. А Лева еще крепче прижал к груди свой старинный футляр, словно десятиклассница собиралась отнять его.

Мой брат не произвел на нее впечатления – это было сразу заметно. И она отвернулась. Еще бы! Ведь он не пел в ресторане «Звездное небо».

– Я тебя уговорила в самый последний момент, – стала я шепотом объяснять Лева. – Они просто не знают, что ты бу-

дешь выступать... А потом, наш Роберт-организатор хочет, наверно, чтобы ты был для них сюрпризом.

Лева усмехнулся: кажется, он не верил, что может стать сюрпризом для наших десятиклассниц.

– В принципе они совершенно правы, – сказал Лева. – На балу и должны быть танцы... Это вполне естественно.

Я не обратила внимания на Левины слова, потому что он часто говорит просто так, чтобы не обидеть молчанием, а сам думает о чем-то совсем другом, о чем-то своем... «Весь в себе!» – говорит о нем мама. Может, он мыслит в эти минуты музыкальными образами? Так было, наверно, и в тот раз.

Почему он вдруг стал заступаться за танцы?

Но самое ужасное было еще впереди!

Зал у нас в школе на пятом этаже. Мы с Левой медленно поднимались по лестнице. А навстречу нам, сверху, на высоких каблуках сбегали старшеклассницы – как-то бочком, бочком, как всегда сбегают по лестнице. Перед вечерами и балами в школе всегда начинается девчачья беготня сверху вниз: кого-то ждут, кого-то высматривают... Десятиклассницы чуть не сшибали нас с ног.

Лева задумался. «Углубляется в музыкальные образы!» – решила я. И была очень рада: мне хотелось, чтоб в этот вечер он играл так замечательно, как никогда!

Один раз Лева поднял на меня глаза.

– Не отвлекайся! Не отвлекайся! – сказала я.

И вдруг он спрашивает:

– Самые пожилые учителя, как правило, работают в старших классах?

Леве иногда приходят в голову весьма неожиданные мысли.

– Да, – отвечаю я. – А что?

– А старшеклассники учатся чаще всего на самом верхнем этаже?

– У нас на пятом... И что из этого?

– Странно как-то... Непродуманно получается: старые люди по десять раз в день должны подниматься наверх без лифта.

Нашел о чем думать перед ответственным выступлением! Представляете?

Да, иногда моему Леве приходят в голову самые неожиданные мысли. Вот, помню, однажды мы ехали с ним в троллейбусе. Троллейбус набит битком. Останавливается возле университета, студенты рвутся к дверям, опаздывают, как обычно. Один парень в очках спрашивает у Левы:

– Выходите или нет?

А тот поворачивается, улыбается и говорит:

– Вы здесь учитесь? Интересно, на каком факультете?

Водитель уже двери-гармошки распахнул, все лезут к выходу, а он: «На каком факультете?»

Представляете?

Лева, конечно, со странностями. Но может быть, так и надо? Все великие люди были немножечко не в себе.

На пятом этаже нас встретил Роберт-организатор. Вниз он, конечно, не мог спуститься! Это было бы для него унижительно. Роберт даже не поздоровался, не познакомился слевой: он не любит терять время по пустякам. И сразу заговорил в своей обычной манере, опуская глаголы:

– Инструмент с вами? Аккомпаниаторша тут, давно...

– Проверяет рояль! – вмешался какой-то старшеклассник. – Три клавиши западают. Всего три! Сколько там еще остается?! А она так вздыхает, словно нет ни одной целой. Это же школьный рояль: на нем все классы, от первого до десятого, что-нибудь одним пальцем выстукивают. Надо понимать: специфика местных условий...

– Теперь все прекрасно, – сказал Роберт. – Первое отделение в порядке. За кулисы!

Лева побрел за кулисы.

– Ты – в зал! – скомандовал Роберт.

Я пошла в зал.

Свободных мест уже почти не было. Только в предпоследнем ряду.

Я села, а на стул слева от меня должен был сесть Лева после своего триумфа на сцене. Я положила на это место платок.

– Разрешите высморкаться!

Сзади загоготали. Я обернулась и увидела старшеклассника Рудика – известного на всю школу балбеса, который паясничал даже на похоронах. Такие есть в каждой школе.

И всегда они салятся в последний ряд. Рудик развалился и упер ноги в спинку моего стула. Теперь я поняла, почему мое место оказалось свободным: никто не хотел сидеть впереди Рудика. Мне в тот вечер чертовски везло!

И все-таки самое ужасное было еще впереди.

Роберт-организатор объявил со сцены, что первое отделение будет очень серьезным.

– Вот хорошо: посмеемся! – воскликнул Рудик.

Сперва какой-то участник драматического кружка стал читать Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу...

...

– Самостоятельной жизни! – крикнул Рудик.

Его приятели загоготали.

Потом какая-то участница хореографического кружка исполняла «Индийский танец».

– «Не счесть алмазов в каменных пещерах...» Опера «Садко», песнь Индийского гостя! – крикнул Рудик.

Все стали оборачиваться, шикать на Рудика. Это его вполне устраивало: он был в центре внимания.

Своим «острым практическим умом» я сразу сообразила, что, если во время Левиного выступления Рудик будет мол-

чать, это произведет на всех огромное впечатление. Все решат, что даже Рудика сразил Левин кларнет. Но как это сделать?

Я тут же изменила план действий. Теперь я уже не должна была показывать, что Лева – мой брат. Я должна была это скрывать! Хотя бы на время...

Я знала, что в первом отделении будет всего три номера. Когда танец подходил к концу, я обернулась к Рудiku и сказала:

– Сейчас будет выступать очень талантливый музыкант. Будущий лауреат! Из Московской консерватории...

– Чихали мы на таких, – ответил мне Рудик.

– Чихать опасно! – сказала я. – Музыкант этот страшно нервный. Недавно во время его выступления один в зале чихнул, так он прекратил играть... И потребовал, чтобы чихающий вышел из зала.

– Вот хорошо: мне как раз надо выйти... Я еле сижу!

– Он не просто потребует выйти. Он еще осрамит на весь зал! Очень нервный. Потому что талантливый. Не советую связываться.

– Будет пикировать классику? – спросил Рудик.

– Конечно!

– «Спи, моя радость, усни!..» – пожелал Рудик самому себе.

И прямо-таки разлегся, по-прежнему уперев ноги в спинку моего стула. Я поползла вместе со стулом вперед... Но

промолчала: пусть делает вид, что уснул. Нашел-таки выход из положения!

А Лева уже вышел на сцену... Все ждали выкриков Рудика, хохота из последнего ряда, но было тихо. И как-то торжественно. Я впервые смотрела на брата из зала.

У него был совсем не артистический вид. Нет, пожалуй, артистическим было только лицо: совершенно отсутствующее. «Весь в себе!» – как говорит мама. Он еще не начал играть, но уже мыслил музыкальными образами.

А все остальное было совсем не для сцены. Фигура сутулая, словно о чем-то задумавшаяся. Костюм был отглаженный (я сама его гладила), а казался мятым и не Левиным, а чужим.

«Я сама буду ходить с Левой к портным! – твердо решила я. – И буду заказывать ему самые модные вещи! Он будет проклинать меня, отбиваться, будет считать, что я отрываю его от искусства. Но я буду приносить себя в жертву: пусть плохо думает обо мне, пусть считает меня тряпичницей! Когда-нибудь он поймет... Да, он поймет, что я брала на себя все самое будничное, самое неблагодарное, как всегда делали сестры великих людей».

Но пока еще с Левой к портным ходила мама, а у нее был отсталый вкус. И наши пижоны из первых рядов, наверно, смотрели на Леву с усмешкой.

Потом вышла Лиля с нотами. Аккомпаниаторши, я заметила, чаще всего бывают пожилыми и некрасивыми. Певцы и

музыканты на их фоне выглядят особенно эффектно. Но тут как раз Лиля спасла положение. Она вела себя как на самом настоящем концерте: вышла уверенным шагом, с независимо поднятой головой, строго поклонилась. И наши пижоны захлопали. Потом она потверже уселась на стул, разложила свои ноты. Обернулась к Лева и буквально впиалась в него глазами, как делают все аккомпаниаторы, ожидая сигнала... Это тоже было как на самом настоящем концерте. И очень подействовало на старшеклассников.

Лиля ударила по клавишам, и Лева заиграл «Рассказ Франчески». Я не слышала, как он играл: я волновалась. И смотрела на своих соседей: некоторые даже закрыли глаза – так слушают хорошую музыку. Потом захлопали... Хлопали все, но не очень долго. Может быть, Лева лучше было уйти за кулисы: тогда бы его нужно было вызывать обратно на сцену и хлопали бы сильнее. А так все сразу поняли, что он будет играть еще, и не очень старались.

Я думаю, что музыкант должен казаться со сцены загадочным и недоступным. Так и зрителям интересней. Ну разве приятно представить себе, что он такой же точно человек, как ты сам? Что можно запросто подойти и хлопнуть его по плечу...

А Лева вдруг улыбнулся так, словно был у себя дома, махнул рукой и заиграл свой любимый «Полет шмеля».

Ему снова аплодировали, но уже меньше, чем первый раз. Неожиданно на сцену, деловито глядя на свои ручные ча-

сы, выбежал Роберт-организатор. Он что-то зашептал моему брату на ухо. Лева вновь по-домашнему улыбнулся и объявил следующий номер...

Не успел он кончить, как Роберт-организатор опять показался из-за кулис. Он по-прежнему деловито смотрел на часы и одновременно пожимал плечами. Подошел к Леве и опять зашептал ему что-то на ухо. А мой брат добродушно, безвольно закивал головой: дескать, согласен, пожалуйста... Представляете? Мне стало холодно: неужели он будет снова играть? По плану, который я составила дома, я должна была встать и попросить: «Сыграй, Лева, еще... Я прошу тебя». Сейчас мне хотелось вскочить и крикнуть: «Я прошу тебя: перестань играть!»

В будущем я, конечно, буду ходить с братом на все его концерты. Я научу его быть гордым! Пусть зрители сначала попросят, поваляются у него в ногах... А потом уж он что-нибудь сыграет на «бис».

Разве артист может быть таким сговорчивым? Он должен быть загадочным и недоступным!

Наконец Лева опустил кларнет и поплелся за кулисы. Но Роберт остановил его.

– С добрым утром! – сзади воскликнул Рудик. И сделал вид, что проснулся. Но я уже не обращала на него внимания.

– Поприветствуем наших гостей! – крикнул Роберт-организатор. – Поздравим их с Новым годом!

«Поприветствуем...» Странное слово!

До Нового года было еще целых пять дней, но все завопили со своих мест: «Поздравляем!»

Тут и Лиля впервые поднялась со своего стула. Неторопливо собрала ноты, сдержанно поклонилась и указала рукой на Леву: дескать, главная заслуга принадлежит ему! Она велела себя как на настоящем концерте.

А Лева вновь по-домашнему улыбнулся, будто в зале сидели его родственники. Представляете? Это было ужасно!

Но самое ужасное все же было еще впереди. Совсем близко, буквально рядом...

Об этом я напишу завтра. Потому что мама уже два раза говорила, что мне пора спать. Она понять не может, что я пишу. Заглядывать ей неудобно. Другие родители не стесняются: заглядывают к своим детям в тетрадки и даже вырывают из рук. Но моя мама себе этого не позволяет: она очень интеллигентна. Лева похож на нее.

Сначала мама думала, что я пишу домашнее сочинение. И была даже рада. Но я сказала, что это не сочинение, а что именно, не сказала.

– Если бы ты с таким увлечением делала уроки! – воскликнула мама. – Совсем не думаешь о своем будущем.

Но я как раз думаю о будущем! Поэтому я и веду дневник.

28 декабря

Перед вторым отделением вечера из зала вытащили все стулья. Свалили их в коридоре. И сразу коридор стал узким,

а зал раза в два больше, чем был. На сцене поставили искусственные елочки с игрушками.

— Ах, какая прелесть! — визжали девчонки. — Как необычно! Оригинально! Синтетика!..

Десятиклассницы почему-то любят синтетику. Я все же не верю, что искусственные елки нравились им больше, чем настоящие — те, которые пахнут лесом и снегом, им просто хотелось визжать и выражать восторги. Они были в приподнятом настроении.

Девчонки меня вообще раздражали. Все они выглядели роскошно! В раздевалке это было не так заметно, потому что они еще были не при полном параде, а некоторые в пальто. Ну а иметь модное пальто гораздо труднее, чем модное платье, поэтому женщины выглядят зимой не так нарядно, как летом. Я на это давно обратила внимание. Когда девчонки сидели в первом отделении на концерте, платья были не так видны. А теперь уже все сияли своими глубокими вырезами.

Я очень сильно от всех отличалась. У меня было глухое девчачье платье. Воротник доходил до самого подбородка. Я тоже хотела однажды сшить себе платье с вырезом, но портниха сказала, что мне это будет невыгодно, что мне еще нечего обнажать. Прямо так и сказала: «Тебе еще нечего обнажать. Твои ключицы выпирают, как какие-нибудь металлоконструкции...» Неплохо, а? Я давно обратила внимание: частные портнихи очень развязны. Потому что все перед ними заискивают и смотрят им в рот, как каким-нибудь муд-

рецам.

В общем, девчонки выглядели очень роскошно. И я сильно проигрывала на их фоне... Но зато рядом со мной стоял мой брат Лева, будущий великий мастер кларнета! Я взяла его под руку. И девчонки поглядывали на меня с завистью. Немногим из них приходилось прогуливаться под руку со студентом Консерватории!

– Что он тебе шептал на ухо? – спросила я Леву.

– Должен был приехать певец...

– Из ресторана?

– Кажется, да. И он просил меня поиграть...

– Он бы еще пригласил для этого какого-нибудь народно-го артиста... Тянуть время, пока не приедет певец из «Звездного неба»!

– В принципе мне было нетрудно их выручить.

Это любимое Левино занятие – кого-нибудь выручать. Некоторые его приятели уже успели жениться. Представляют? Поторопились! К Леве они приходят перед экзаменами и когда ссорятся с женами. И он всех выручает. Боюсь, как бы на это не ушли все его силы. А певец из ресторана так, значит, и не появился. Роберт со сцены объявил, пропуская глаголы:

– Небольшая накладка: певец из ресторана «Звездное небо» – увы! Но звезда – здесь, с нами! Наша любимица Али-на в сопровождении школьного джаз-оркестра! Эстрадные песни!

Мальчишки завопили: «Ура!» Старшеклассницы чуть-чуть похлопали. Совсем чуть-чуть: они не любят Алину, они завидуют ей.

Я не завидовала Алине: у нас в школе она, как говорится, вне конкурса. А тем, кто вне конкурса, глупо завидовать. К тому же мне нравилось, что девчонки со своими глубокими вырезами сразу присмирели, повесили носы. Они знали, что мальчишки будут восторгаться Алиной, а соперничать с ней бесполезно.

Так иногда женщины выходят грустные из кино после картины, где главную роль играет красавица. Я обратила внимание: они даже некоторое время не смотрят на своих спутников. Наверно, боятся, что те будут сравнивать. Нет, я никогда не выйду замуж. Это уже решено.

Алина на наших вечерах всегда поет джазовые песенки на разных языках. Когда она вышла на сцену, я захлопала ей изо всех сил за то, что она посадила на место всех наших девчонок.

Девчонки явно грустили и со злостью поглядывали на Алину. А некоторые храбрились и неестественно хохотали. Я заметила, что женщины часто смеются тогда, когда им хочется плакать.

Вообще-то я тоже не люблю красивых девчонок. Они все время помнят о том, что они красивые, и с ними поэтому очень трудно иметь дело. Но вчера я была благодарна Алине еще и за то, что не приехал певец из ресторана «Звездное

небо», которого все ждали больше, чем Леву. Хотя Алина не имела к этому ровным счетом никакого отношения. Но она выступала вместо певца, и я ей за это хлопала. Вернее сказать, и за это тоже. А еще я хотела, чтобы Леве понравился школьный вечер, на который я его притащила. И поэтому я зашептала ему на ухо:

– Алина прекрасно знает... разные языки!

Алина – яркая блондинка, с прямыми волосами, которые спадают на лицо, закрывая один глаз.

– У нее волосы абсолютно свои, – шепнула я Леве.

– В каком смысле?

Лева не понимает элементарных вещей, потому что он «не от мира сего», как говорит мама.

– В том смысле, что она их не красит, – объяснила я. – Это ее естественный цвет...

Алина пела вполголоса, и все в зале, особенно мальчишки, просто боялись дышать. А Алина дышала вовсю. Так, по крайней мере, казалось, потому что она дышала в микрофон.

Я немного шепелявлю и с детства как-то враждебно отношусь к шипящим буквам. Я уверена, что это самые неблагозвучные буквы во всем алфавите. Недаром ведь в художественных произведениях положительные герои никогда не «шипят», а «шипят» отрицательные.

Но когда Алина томно поет свои песенки, мне начинает казаться, что шипящие не так уж плохи. Слова, которые она шепотом произносит в микрофон, кажется, состоят от нача-

ла до конца почти из одних шипящих, а получается довольно-таки красиво и задумчиво.

Мальчишки аплодировали как безумные и даже свистели, что является у них крайним выражением радости и восторга. Лева после его «Франчески» никто не свистел. Это было обидно. Но я заметила, что, аплодируя Алине, многие тайком поглядывали на Леву. Еще бы! Всем интересно было, как оценит ее пение студент Консерватории. Профессионал! Ну и типы же эти старшеклассники: ни за что в открытую не признают, что студент Консерватории для них авторитет. Для них вообще не существует авторитетов! А исподтишка будут подглядывать, как он реагирует. Ну и типы!..

Лева заметил это и, засунув свой черный футляр под мышку, стал хлопать так, будто был на концерте Обуховой! Я решила, что он хочет доставить мне удовольствие: ведь я так нахваливала Алину!

Когда Алина кончила петь, она решила прямо со сцены прыгнуть в зрительный зал. Это было, конечно, очень эффектно. Мальчишки, забыв про своих девиц, бросились ей помогать. И тут произошло что-то совершенно неожиданное: наш Лева, всегда такой медлительный и неповоротливый, тоже подскочил к сцене и протянул Алине левую руку. Правой он держал старинный дедушкин футляр.

Мне было обидно, что Левина рука как-то затерялась в толпе других рук и ничем от них не отличалась. И сам Лева как-то затерялся среди старшеклассников. Но Алина со

сцены разглядела Левину руку и, представьте себе, оперлась именно на нее. Да, на нее! Наш Лева весь покрылся красными пятнами, будто кто-то надавал ему по физиономии. Вообще-то он часто краснел. Но всегда для этого были какие-то основания. А тут он покраснел без всяких оснований.

Когда Алина прыгнула в зал, Лева поблагодарил ее. За что, спрашивается? За что? Это она должна была сказать «спасибо»: ведь он протянул ей руку, а не она ему. Происходило что-то странное.

Наш школьный эстрадный оркестр заиграл танго. «Сейчас во время танца скажу Лева, что вовсе не считаю Алину своей подругой, – решила я, – и не требую, чтобы он ради меня так перед ней вертелся!» В эту минуту брат наклонился ко мне. «Ага, не забыл своего обещания! – подумала я. И вытерла ладони о холодную стену, покрашенную масляной краской: они у меня немного вспотели. – Сейчас я впервые буду танцевать на вечере старшеклассников!..»

– Подержи, пожалуйста, – второпях проговорил Лева. И старинный дедушкин футляр оказался у меня под мышкой.

А Лева опять уже был возле сцены и протягивал руку Алине: он приглашал ее танцевать. Я снова вытерла ладони о холодную стену.

О, как я ненавидела Алину в тот момент! Я ненавидела даже ее имя – такое редкое, необычное. Меня-то ведь все звали просто Женькой. «Имя среднего рода, – шутил отец, – не поймешь: женское или мужское». Ничего себе представ-

ление о справедливости: сам же всучил мне это имя в честь какой-то своей любимой тетушки и сам же острит! Я не видела эту тетушку ни разу в жизни: она умерла за десять лет до моего рождения. И было непонятно: почему родители решились преподнести ей подарок за мой счет?

Все наши девицы с их глубокими вырезами сразу стали казаться мне милыми и симпатичными по сравнению с Алиной. Она заставила Леву бросить сестру, которая решила посвятить ему всю свою жизнь! Но даже не в этом дело. Она заставила моего брата вести себя так, будто он ничем не отличался от десятиклассников, которые все были в нее влюблены. И за это я тоже ее ненавидела!

Алина все время, не отрываясь, смотрела на Леву в упор и как-то слишком многозначительно. Притворство! Сплошное притворство! Лева не мог нравиться ей, как ему не могли нравиться всерьез ее эстрадные песенки. Сутулый, нескладный, в костюме, который всегда кажется чужим и мятым, Лева абсолютно не в ее вкусе. Все дело в том, что он студент Консерватории, что у него блестящее будущее! Вот она и смотрела в упор, будто старалась его заморозить. Но к счастью, Лева не замечал этого взгляда: он опустил голову и изучал свои ноги. Он всегда смотрит на свои ноги, когда танцует.

Никто не обращал на меня никакого внимания. Я стояла одна и прижималась спиной к холодной стене, чтобы не мешать танцующим. Меня толкали и даже не извинялись. А

некоторые спрашивали, как та десятиклассница в раздевалке: «Женька, как ты сюда попала?», «А ты как здесь очутилась, Женька?» И некому было меня защитить: мой брат танцевал с Алиной!

Тут я вспомнила про Лию. Лева даже не поинтересовался, где находится его «аккомпанемент». Ничего себе рыцарь!

Я вспомнила, как Лиля однажды сказала: «Профессиональный музыкант не должен появляться среди зрителей в день своего выступления».

«Умница! Конечно, не должен! – думала я. – Тогда он будет загадочным и недоступным. А иначе он станет для всех обыкновенным человеком, абсолютно равным и неинтересным. Как мой брат, которому десятиклассники преспокойно наступают на ноги... Будто он и правда ничем от них не отличается, словно это не он будет участвовать в конкурсе музыкантов-исполнителей!»

После танго Лева подошел ко мне такой красный, будто ему еще раз надавали пощечин. Он был очень взволнован. Я его таким никогда не видела. И не хочу больше видеть!

– Ты же поклялся танцевать только со мной, – сказала я.

– В принципе ты права, – ответил он мне, еле переводя дух. – Но я умею танцевать только танго... Ты же знаешь. В другом танце я выглядел бы очень смешно...

– А вообще не танцевать с ней ты не можешь? Эта мысль тебе не приходит в голову?

Когда люди, которые «не от мира сего», совершают ошиб-

ки, с ними надо говорить резко и прямо. Во имя их же спасения!

Но я не успела спасти своего бедного брата. Оркестр заиграл твист. И Алина, отбиваясь от мальчишек, которые приглашали ее, сама подошла к Лева. Представляете? Сама подошла! Вот так красавица... Вот так гордячка! Совсем потеряла совесть. И Лева пошел танцевать твист, который он танцевать не умел.

Алина его учила. Теперь они оба смотрели на ноги. Она учила Леву всего-навсего танцевать, но вид у нее был такой покровительственный, будто она объясняла ему, как надо жить на белом свете.

А я снова прижималась к холодной стене. Меня снова толкали и спрашивали, как я пробралась на этот вечер.

Нормальные люди выставляют напоказ то, что им выгодно выставлять. А то, что невыгодно, прячут подальше. Мой брат плохо танцует, а Алина заставляла его выделять самые трудные па. Зачем? Может быть, она хотела выставить его на посмешище перед своими приятелями? Они ведь тех, кто плохо танцует, вообще людьми не считают.

По крайней мере, десятиклассники уже поглядывали на моего брата свысока и даже с насмешкой: в танцах они были сильнее его. Алина дала им возможность почувствовать превосходство над моим братом, и за это тоже я ее ненавидела. Я мечтала, чтобы наш школьный эстрадный оркестр, который я всегда любила слушать, поскорее умолк. Но он не

умолкал до тех пор, пока снизу не пришла гардеробщица и не сказала Роберту-организатору:

– Я ваши вещи до утра караулить не собираюсь...

Тогда вечер закончился.

Ко мне подошел Лева и протянул руку за старинным де-душкиным футляром. Я спрятала футляр за спину и сказала:

– Думаю, он тебе уже не пригодится.

– В каком смысле?

– В том смысле, что ты, кажется, собрался поступать в хореографическое училище? Но лучше поступи в цирковое: там учат на клоунов. Ты сегодня неплохо выступал в этом жанре.

Может быть, я говорила с Левой слишком прямо и резко. Но я имею на это право. Ведь я решила посвятить ему всю свою жизнь. И я должна спасти его от Алины! Чему она может научить моего брата? Петь эстрадные песенки? Что между ними общего? Да и вообще Лева сейчас не имеет права влюбляться! Он должен готовиться к конкурсу. И заниматься с утра до вечера. А не влюбляться! Я должна спасти его, уберечь. И я это сделаю!

Но спасти Леву будет не так легко. Ведь он «весь в себе». А когда люди, которые «все в себе», вобьют себе что-нибудь в голову, им невозможно ничего объяснить.

– Алина одна. А сейчас уже поздно, – сказал Лева. – Мы проводим ее до дома.

– Единственное, что ей не угрожает, – это одиночество! –

воскликнула я. – Вот увидишь: все наши кавалеры за ней поплетутся...

Зачем я произнесла эту дурацкую фразу? На мужчин, я заметила, ничто так сильно не действует, как успех женщины сразу у многих. Это и на мальчишек тоже распространяется. Поэтому-то, я заметила, почти в каждом классе обязательно есть какая-нибудь общепризнанная красавица. И чаще всего она ничуть не лучше других. Просто однажды в нее случайно влюбились двое мальчишек сразу. А остальные подумали: раз за ней бегают сразу двое, значит, она того заслуживает. И пошла цепная реакция!

Когда я произнесла роковые слова о том, что Алине не грозит одиночество, Лева как-то беспомощно улыбнулся (дескать, что тут поделаешь!) и сказал:

– Да, я понимаю... Она пользуется успехом.

– Дешевым успехом! – воскликнула я.

Но исправить ошибку уже было нельзя. И мы пошли провожать Алину. А дом ее находится в совершенно противоположной стороне от нашего дома.

Я почти всю дорогу молчала. По правде сказать, я в присутствии Алины почему-то робела. И даже помимо воли иногда ей поддакивала. И Лева поддакивал всякой ее ерунде. Я поглядывала на него с изумлением. И испугом: мне казалось, что он поглупел и вообще стал каким-то совсем другим человеком. Впрочем, я вспомнила, что многие великие люди любили ничтожеств и в их присутствии изрядно глупели.

Неужели и моего брата ждет такая судьба? Алина же просто не умолкала. Но говорила она в свой меховой воротник.

– Берегу горло, – объяснила она.

Вы слышали? Значит, она воображает себя певицей! Ее горло представляет, видите ли, такую огромную ценность, что его надо беречь! В общем, мне пока что так и не посчастливилось услышать ее настоящий голос: пела она в микрофон, а говорила в меховой воротник.

– В принципе вам всегда следует держать горло в тепле, – изрек мой брат Лева.

Эта фраза Алине очень понравилась, и она в благодарность призналась Леве, что кларнет – ее самый любимый музыкальный инструмент. Представляете? Она, оказывается, может слушать кларнет с утра и до вечера.

И еще может сутками слушать саксофон.

Хорошо, что она не сравнила кларнет с барабаном. Или с какими-нибудь другими ударными инструментами. Я думала, Лева содрогнется оттого, что его любимый кларнет поставили в один ряд с саксофоном. Но Лева не содрогнулся. А наоборот, согласился с Алиной:

– Да, саксофон обладает оригинальными средствами музыкального выражения...

Но самое непонятное было то, что и я зачем-то сказала, что люблю саксофон. У этих красивых девчонок удивительная власть над людьми!

– Сразу после Нового года, – сказал Лева, – у нас будет

концерт студентов второго курса. В Малом зале Консерватории...

Меня раздражает Левина манера все уточнять. Ну какая разница, в Малом или Большом зале будет концерт! Можно было просто сказать: «В зале Консерватории». И обязательно надо уточнить, что он учится на втором курсе, а то, не дай бог, подумают, что на пятом! И свой будущий конкурс он всегда величает полным именем: Всероссийский конкурс музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Хотя можно сказать просто и гораздо короче: конкурс музыкантов-исполнителей. Пусть думают, что вообще всех музыкантов, и не всероссийский, а всесоюзный или даже международный! Нет, Лева должен сказать все точно, как есть. Станный характер!

– Для меня будет большим подарком, если вы придете на этот концерт, – сказал Лева.

Можно было подумать, что он приглашает Антонину Васильевну Нежданову: «Большим подарком!»

– Дайте мне свой телефон: я позвоню накануне, – сказала Алина.

Как всякая красавица, она, конечно, очень занята!

– Нет, вы можете не дозвониться. Лучше договоримся прямо сейчас, – настаивал Лева. – Правда, Женя, так лучше?

– Конечно, – сказала я.

Мне хотелось обругать брата за его приглашение, а я сказала: «Конечно». Мой язык просто сошел с ума! Я была под

сильным гипнозом.

Наконец Алина согласилась прийти. Еще бы: ведь она так любит кларнет!

– Мы будем ждать вас у входа, – сказал Лева.

Сомнений не оставалось: он был влюблен!

– А вы мне преподнесите ответный подарок! – уже прощаясь, кокетливо сказала Алина.

Лева сделал такое лицо, словно готов был отдать ей все, что она пожелает.

– Согласитесь солировать в нашем эстрадном оркестре! Это будет так оригинально: музыкант-профессионал выступает со школьным джазом!..

Я поперхнулась холодным воздухом. А Лева преспокойно ответил:

– В принципе это возможно...

– Заметано! – сказала она. И скрылась в дверях.

Я тут же освободилась от ее гипноза.

– Ты еще будешь играть в фойе! Как наш бедный дедушка! – крикнула я Лева. – Помяни мое слово: этим все кончится!..

29 декабря

Вся моя жизнь под смертельной угрозой. Вся моя жизнь! Если Лева станет играть в школьном джазе, ему это может понравиться: ведь у него такая опасная наследственность по линии бабушки. И потом, он в самом деле может захотеть

выступать в фойе, перед началом сеансов. А люди будут жевать бутерброды. Тогда я уже не смогу посвятить ему всю свою жизнь. Музыканты, которые играют в фойе, не имеют права быть «не от мира сего», и им как-то не принято посвящать свою жизнь. На это имеют право только великие музыканты!

А если Лева не станет великим или, по крайней мере, известным? Что я тогда буду делать? Тогда все мои планы летят кувырком. Я, как мои одноклассницы, должна буду придумывать себе будущую профессию, и зубрить, и гоняться за отметками. Я должна буду стать такой же, как все...

Но я думаю, конечно, не о себе. Дело в Леве! Ради него я пойду на все! Настоящие сестры часто вмешиваются в личную жизнь своих братьев. И не требуют благодарности. Я тоже вмешиваюсь! Лева забудет Алину, и хорошо подготовится к конкурсу, и завоюет там первое место... И тогда я смогу посвятить ему всю себя, без остатка!

– Неужели ты не видишь, что она вся неискренняя и фальшивая? Вся насквозь! – сказала я Леве. – Кларнет – ее любимейший инструмент! Да есть ли на свете хоть один нормальный человек, для которого кларнет был бы самым любимым инструментом? Есть ли такой человек? Нету такого!

– Это твоя личная точка зрения, – сказал Лева.

– Это факт, а не точка зрения! Я надеялась, что ты станешь первым в мире великим кларнетистом! Но напрасно... И неужели ты думаешь, что она в самом деле знает... разные

языки? Просто выучивает слова и бессмысленно их повторяет. Сейчас любой певец, даже откуда-нибудь из Гваделупы, поет «Подмосковные вечера» по-русски. И что же, потвоему, он знает русский язык?.. Так и она. И волосы у нее крашенные...

– А может быть, у нее вообще парик? – с улыбкой перебил меня Лева. Он готов был ее защищать. Это было ужасно. – Раньше ты говорила другое: и про волосы, и про песни. Нельзя же так быстро менять свое мнение. И поддакивала ей, когда мы ее провожали.

– Я иронически поддакивала. Как бы в насмешку...

– Прости, я не почувствовал этой иронии. К тому же она бы была неуместной.

– Ты ее любишь?! – воскликнула я.

Он ничего не ответил. Но я понимаю: разговаривать с ним бесполезно. Я должна действовать! И я буду...

30 декабря

Сегодня последний день второй четверти. Мы, конечно, написали на доске мелом: «Последний день – учиться лень!» Учителя читают и делают вид, что сердятся.

Завтра каникулы... Я обожаю каникулы! Учителя отдохнут от нас, а мы отдохнем от них. И у всех поэтому хорошее настроение.

На переменках старшеклассницы носятся по коридору, шушукаются, договариваются, кто с кем будет встречать Но-

вый год. Я давно заметила, что о самых простых вещах они почему-то любят говорить шепотом и с таинственным видом. Так им интереснее!

И учителя, конечно, тоже будут встречать Новый год. На уроке литературы я старалась представить себе, как они это будут делать. Я вообще часто стараюсь представить себе жизнь наших учителей. Особенно учительниц. Какие у них мужья? И как у них дома? Неужели даже химичка, которая ни разу за два года не улыбнулась и называет нас всех на «вы», дома тоже целует мужа? И он целует ее?.. Интересно, как это все происходит? Но это же происходит, потому что у нее на руке кольцо. Толстое, старомодное, но все-таки обручальное!

У всех хорошее настроение. Даже химичка пожелала нам полезного отдыха. Не счастливого, а полезного!

Но у меня на душе тяжело. Что-то висит. Это висит Али-на! Я ведь нарочно развлекаю себя разными посторонними мыслями, чтобы забыться.

Но забыться я не могу: Лева будет играть с нашим школьным джазом! Солировать! А потом докатится до фойе. Если я его не спасу!

Пишу на уроке... Я заметила: последние дни и часы в пионерлагере, или в поезде, или в школе всегда тянутся страшно медленно. Просто сил нет.

Но вот наконец звонок! Не забыл нас, родименький! Иду на перемену...

Начался последний урок. Математичка терпеть не может, когда отвлекаются. Если заметит, тут же вызывает к доске. Но я должна немедленно записать все в свой дневник!.. Я должна рассказать о том, что произошло буквально мину-ту тому назад, на перемене. Я сделала смелый, решительный шаг! Ради Левы, ради его музыкального будущего! Оценит ли он это когда-нибудь?

На последней перемене старшеклассницы продолжали носиться по коридору, шушукаться и обниматься: они любят обниматься друг с другом.

Алина ни к кому не подбегала: все подбегали к ней, потому что она у нас прима, она вне конкурса.

Но ко мне Алина направилась сама, и я даже не шелохнулась, ни одного шага не сделала ей навстречу. Она улыбалась мне своим длинным и красивым глазом, который почему-то напоминал мне вытянутую голубую раковину. А второго ее глаза я никогда не видела: он всегда закрыт прямой золотистой прядью волос.

Она притянула меня к себе, чуть-чуть нагнулась и прижалась ко мне щекой. Представляете? Наши семиклассницы просто попадали от зависти. Мысленно, конечно, попадали. А я даже не шелохнулась.

– Какие у нас показатели? Дед Мороз будет доволен? – спросила Алина.

Я решила на этот раз ни за что не поддаваться ее гипнозу. Ни за что! Показатели, то есть отметки за вторую четверть,

у меня очень неважные.

– Какое это имеет значение? – ответила я.

Она снова прижалась ко мне щекой. И наши девчонки снова попадали. Но я была холодна и спокойна.

Я знаю, что невесты обычно хотят подружиться с родителями своих женихов, заполучить их себе в союзники. Алина до мамы с папой еще не добралась, она начала с меня. Это мне было понятно. И я к ней прижиматься не стала.

– Поздравляю тебя с Новым годом, – сказала Алина. – И всех наших общих знакомых!

На общих знакомых она сделала такое ударение, что мне стало просто не по себе. Никаких общих знакомых у нас не было: она говорила о Лева.

– Увидимся в новом году, – продолжала она. – Место встречи и время все те же?

Тут я и сделала свой решительный шаг.

– Вы знаете, Лева очень просил извиниться... – сказала я ей тихо, чтобы не слышал никто другой. – Наша встреча не состоится.

– Не состоится? – Словно желая разглядеть меня получше, она отбросила золотистую прядь, и я первый раз увидела оба ее глаза одновременно. Но они в тот миг не были похожи на голубые вытянутые раковины. Они были круглыми от удивления. И мне ее стало даже немножко жаль. Но я подавила в себе эту слабость. Если Лева действительно нравится ей, то тем хуже: не хватало еще, чтоб у них началась любовь

накануне конкурса музыкантов-исполнителей!

– У него есть невеста, – сказала я. – И ей было бы неприятно... Вы понимаете?

– Он обручен? – спросила она уже с насмешкой. Но эта насмешка была какая-то беспокойная, истеричная.

– Ну да... Можно сказать, обручен. Очень давно, прямо с детского возраста. Со своей аккомпаниаторшей.

– С этой...

– Ну да, – перебила я, – она некрасива. Но у них общие идеалы! Их сблизила музыка. Они любят друг друга...

Это была ложь во имя спасения брата. Оценит ли он это когда-нибудь?

3 января

Вчера был концерт студентов Консерватории... Он начался в семь тридцать вечера, но мы слевой пришли на час раньше и мерзли на улице. Лева, видите ли, боялся, что Алина может перепутать и тоже прийти на час раньше, потому что некоторые концерты начинаются в шесть тридцать. Представляете?

Мы бы, наверно, совсем окоченели, если бы Лева не казалось, что каждая со вкусом одетая девчонка, которая появлялась вдали, это Алина. Мы бежали навстречу, девчонки испуганно останавливались или шарахались в сторону. А мы извинялись и возвращались на свой пост к подъезду. Так мы хоть немного согрелись.

– Интересно, как ты будешь держать кларнет замерзшими пальцами? – сказала я. – Хорошо еще, что ты играешь не на рояле. И не на скрипке. Иди!.. Я сама ее встречу.

Куда там! Лева и слышать об этом не хотел. Мама всегда говорит, что он очень цельный человек. Вообще-то это неплохо. И даже хорошо. Но когда цельный человек влюбляется, с ним ничего невозможно поделать. Ему ничего нельзя объяснить.

Великие люди имеют право на странности, и эти странности им надо прощать. Потому что великий человек, с одной стороны, «весь в себе», а с другой – немножечко не в себе. Это я понимаю. Но ведь Лева вчера был не в себе не как выдающийся человек, а так же, как все наши мальчишки-десятиклассники, которые тоже влюблены в Алину. Вот почему я не хотела прощать! У необычных людей должны быть необычные странности. Когда у Левы появятся такие странности, я их сразу буду прощать! Не задумываясь... Честное слово! А вчера я не прощала...

Лиля считает, что настоящий артист не должен появляться среди зрителей в день своего выступления. А Лева прямо-таки бежал навстречу зрителям, чуть не сшибая их с ног, если ему казалось, что вдали появилась Алина. Среди зрителей было много Левиных знакомых, и все они спрашивали:

– Кого ты тут ждешь?

И Лева начинал подробно объяснять, что ждет одну десятиклассницу, которая учится в моей школе. Знакомые ухмы-

лялись и глупо подмигивали. Но Лева и в следующий раз отвечал подробно и точно. Он всегда говорит чистую правду, одну только правду. Как будто нельзя было сказать, что мы ждем тетю, дядю или каких-нибудь других родственников. Или, например, маму с папой.

Если Лева звонят по телефону, он всегда подходит, как бы ужасно ни был занят. Я ему говорю иногда: «Можно сказать, что тебя нет дома?» – «Но я ведь дома», – отвечает он. И подходит, хоть ему очень не хочется. Представляете?

Человек не может всю жизнь говорить одну только правду. Мало ли какие бывают случаи! Я уже твердо решила, что во всех этих случаях я буду врать за брата. Раз он сам не умеет! Что тут поделаешь? Пусть это будет еще одной жертвой!

– С ней что-то случилось, – сказал мне Лева. – С ней что-то случилось... А? Как ты думаешь?

– Ничего не случилось! – ответила я. – Она терпеть не может классическую музыку. И кларнет! Ведь я говорила тебе. Предупреждала! Я была уверена, что она не придет...

В этот момент появились мама и папа. Они были торжественные, нарядные и так гордо поглядывали по сторонам, будто все вокруг должны были знать, что их Лева выступает сегодня в Малом зале Консерватории. А этот Лева, которым они гордились, прыгал на одном месте, как воробей.

Папа, когда волнуется, всегда начинает шутить. Но волнение мешает ему быть остроумным.

– Боюсь, твой кларнет будет сегодня чихать и кашлять, –

сказал он.

– В чем дело? – воскликнула мама.

Что бы стоило Лева сказать, что мы ждали на улице своих любимых родителей! Что мы продрогли, но ждали... Как бы им это было приятно! Но к несчастью, Лева всегда говорит одну только правду. И он снова стал объяснять, что мы ждем одну десятиклассницу, которая учится в моей школе. Мама ничего не поняла. Но она была в ужасе от того, что Лева еще на улице. Ему пришлось отправиться за кулисы. А я обещала подождать Алину.

– Она не придет! – сказала я Лева. – Ей противны классическая музыка, и твой кларнет, и Малый зал Консерватории... И даже Большой тоже противен! Но я подожду. Раз ты просишь, я подожду!

Я постояла на улице еще минут пять или десять. Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь спросил: «У вас есть лишний билетик?» Мне очень хотелось, чтобы на концерт, в котором участвует Лева, стремилась попасть вся Москва. Но никто за билетами не охотился, и мне оставалось только мечтать.

Я мечтала о том дне, когда Лева будет выступать не в общем концерте, а один, в сопровождении большого оркестра. Мы подъедем с Левой к служебному подъезду, там будут его поклонники (не какие-нибудь девицы, которые охотятся за тенорами, а серьезные пожилые люди – ценители музыки!), и я услышу за спиной шепот: «Это его сестра! Она посвети-

ла ему всю свою жизнь. Он без нее как без кларнета!» Представляете?! Но вчера «лишних билетов» никто не искал. Хотя когда я вошла в зал, он уже был абсолютно полон. Ни одного свободного места! Нет, одно свободное было... Рядом со мной, где должна была сидеть Алина.

Мама, конечно, стала тут же упрекать меня за то, что я заставила Леву ждать на улице какую-то свою подругу. Я заставила... С ума можно сойти!

И еще она возмущалась тем, что из-за меня в зале «зияет пустое место». Так она и сказала: «зияет»!

Я, конечно, ничего ей объяснять не стала. Ей вчера вообще ничего нельзя было объяснить. Она была очень напряжена. И все делала неестественно: неестественно долго и внимательно читала программу, в которой было указано, что Лева выступает предпоследним в первом отделении, неестественно улыбалась родителям других участников концерта, которые все сидели в нашем ряду. Весь ряд состоял из одних только родственников. И это было как-то противно. Не могли уж рассадить нас по разным углам!

Мама все время, словно какой-нибудь гид в музее, сообщала мне: «Вон там сидит лауреат! А там сидит трижды лауреат! А там профессор Консерватории...» Мамочка очень волновалась. И мне хотелось успокоить ее. Но я не могла ее успокоить, потому что она ничего не слышала и не воспринимала.

И вдруг она схватила меня за руку:

– Что это? Что это значит?!

Я увидела, что из-за кулис выглядывает наш Лева. Он искал нас глазами. Потом нашел, увидел рядом со мной пустое место... Помрачнел, то есть буквально изменился в лице. И скрылся. Мама взглянула на меня. Но что я могла ей объяснить?

Наконец начался концерт. На сцену вышел мужчина с утомленным лицом.

– Он всегда ведет симфонические концерты, – шепнула мне мама. – Ты видела, наверно, по телевизору?

Вид у мужчины был такой, будто он являлся главным участником концерта. И фамилии знаменитых композиторов он выговаривал так, что я не сразу их узнавала.

Скрипки, рояли и виолончели казались мне в тот вечер просто невыносимыми. Я впервые заметила, что великие композиторы ужасно затягивали свои музыкальные произведения. Их вполне можно было бы сократить! Когда раздавались аплодисменты, я злилась и думала: «Не хватает, чтобы упростили играть еще!» И стоило только мне так подумать, как обязательно играли еще.

Мне казалось, что никогда не дойдет очередь до нашего Левы. Но она наконец дошла. Седой, усталый мужчина произнес и нашу фамилию так, будто это была чужая фамилия. Вышел Лева, а через несколько секунд после него появилась Лиля. Она держалась как настоящая аккомпаниаторша: не спеша разложила ноты, поправила под собой стул и устремил-

ла глаза на Леву, ожидая его команды.

А наш Лева выглядел, как и на школьной сцене, слишком домашним. В нем не было никакой недоступности и загадочности. И костюм его опять казался не новым, а мятым, хотя я вчера полдня чистила и отглаживала его.

Я не слышала, как он играл, потому что все время тайком разглядывала зрителей. Но трудно было что-нибудь угадать: смотрели внимательно на Леву – и все... А некоторые закатывали глаза. Потом раздались аплодисменты. Хлопали не очень сильно, как всегда бывает после первого номера. Все и так знали, что Лева продолжит свое выступление. Но когда аплодисменты затихли, я услышала сзади старческий мужской голос:

– Он сегодня не в форме...

И другой голос, тоже глуховатый, подтвердил:

– Да, как говорят шахматисты, играет не лучшим образом.

Мама еще до концерта успела мне сообщить, что сзади сидели Левины профессора. Я боялась взглянуть на маму. Но увидела, как она схватилась за ручки кресла.

Мне хотелось обернуться к Левиным профессорам и сказать: «Поверьте, это я во всем виновата. Я!...»

Ночью я слышала, как Лева ворочался и даже что-то шептал. Вроде бы рассуждал сам с собой. Потом встал и пошел на кухню. Когда он вернулся, я спросила:

– Что? Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет... Просто хочется пить. Жажда какая-то... А почему она не пришла? Как ты думаешь, Женька?

Тут я не выдержала.

– Все это по моей вине, Лева... – сказала я.

– По твоей?..

Мне показалось, что в его голосе возникла радость. Или вернее, надежда.

– По моей... По моей! – подтвердила я. И все рассказала.

В комнате было темно. Я не видела Левиного лица – и так было легче рассказывать.

– В принципе ты поступила подло, – сказал Лева.

Когда резкие слова произносятся громко, это значит, что их говорят сгоряча. И может быть, вовсе не думают то, что говорят. А Лева сказал совсем тихо, спокойно... Значит, он был уверен, что я совершила подлость. Он был уверен... Мне стало холодно под одеялом.

– Но ведь я хочу посвятить тебе всю свою жизнь, – прошептала я. – Я готова пожертвовать...

– Это манера деспотов, – перебил меня Лева.

– Какая манера? – не поняла я. – При чем же тут деспоты?

– Они превращают в свои жертвы тех, ради которых хотят всем на свете пожертвовать.

– Значит, я не имела права вмешаться?!

– А может быть разве такое *право*? – спросил Лева как бы себя самого. – Хоть у кого-нибудь... Может быть разве такое право?

Лева снова лег и поплотней укрылся одеялом. Я села к нему на постель.

– Все-таки хорошо, что она не пришла из-за меня... А не сама по себе. Все-таки хорошо?..

Лева пожал плечами. Это было под одеялом, но я почувствовала, что он ими пожал... Потом он вдруг улыбнулся. Было темно, но я увидела, что он улыбнулся. И пошла к себе...

Я больше не буду вести дневник. А то, пожалуй, в книге о брате могут не поместить мой портрет с подписью «Сестра музыканта».

Коля пишет Оле, Оля пишет Коле

Оля и Коля

«Справедливо» – это было любимое Олино слово. Правда, частенько она прибавляла к нему короткое отрицание «не». «Это несправедливо!» – спокойно заявляла она своим глубоким, певучим голосом. И тут же вступала в борьбу за торжество справедливости.

Девочки были влюблены в Олю Воронец. Прошлым летом Оля носила косы – и в волосах у ее подруг тоже замелькали разноцветные ленточки. Этой весной перед лагерем она постриглась – и подруги ее мигом, без сожаления распрощались со своими косами. Оля чуть-чуть заикалась, и девочки, сами того не замечая, тоже начали слегка растягивать гласные буквы и изящно, еле заметно, как это делала Оля, спотыкаться, словно приседать, на некоторых словах.

Оля редко сердилась. Главным образом, если встречалась ей на пути какая-нибудь неправда, – и девочки тоже старались быть отчаянно принципиальными.

И еще Оля сердилась, даже приходила в неожиданную ярость, когда ее называли красивой. В прошлом году начальник пионерлагеря водил по «Сосновому бору» какую-то делегацию и все время восклицал: «А вот это наша волейболь-

ная площадка! А вот это наша читальня! А вот это наш радиоузел!...»

– А вот это наша красавица! – гордо объявил он, увидев издали Олю Воронец.

Делегация защелкала фотоаппаратами, но на пленку попал, должно быть, лишь Олин затылок: в ответ на слова начальника девочка неучтиво повернулась спиной к гостям и скрылась за деревьями.

В начале августа у лагеря испортилось настроение: стало известно, что в первый день сентября Оля не придет в школу, она уедет очень далеко. Ее отец был геологом. Он отыскал на Урале горную породу, которая была необходима для алюминиевого завода, а теперь отправлялся искать еще что-то на Север, за Полярный круг.

И только один человек в лагере радовался предстоящему Олиному отъезду – это был Коля Незлобин, по прозвищу Колька Свистун. Он любил переговариваться с птицами, к ребятам обращался коротко и грубовато: «Эй, ты!.. Слушай-ка!» – а с птицами беседовал ласково и безошибочно узнавал их голоса.

Но не за это прозвали его Свистуном. А за то, что как-то однажды, в прошлом году, он неожиданно для всех пообещал написать хорошие стихи к родительскому дню, а написал плохие, и родителей пришлось приветствовать в прозе. Правда, стихов этих не видел никто, кроме Оли Воронец. Она должна была читать их в концерте самодеятельности,

но в последний момент читать отказалась, заявив, что стихи никуда не годятся.

Оля первая сказала Кольке: «Эх ты, Свистун!..» А он в ответ прозвал ее Вороной: это, кажется, была единственная птица, которую он не любил.

Никто, кроме Кольки, Олю Вороной не называл, а к нему прозвище Свистун приклеилось так прочно, словно было с рождения вписано в метрику.

Из всех споров, которые время от времени затевали по радио в пионерлагере, начальник больше всего любил дискуссию на тему: «Может ли мальчик дружить с девочкой?» И хотя всем было уже давно ясно, что мальчик дружить с девочкой может, он затевал это обсуждение каждое лето. В этом году его любимая дискуссия сразу стала затухать: спора не получалось. Тогда начальник лагеря выпустил к микрофону Кольку Свистуна, и тот громко, уверенно заявил, что девчонки – предательницы.

Те поняли, кого он имеет в виду, и бросились Оле на помощь. «Ишь ты, молчаливый-молчаливый, а разговорился!.. Высказался!» – верещали по радио девочки. Только успевали включать и выключать микрофон: дискуссия разгорелась с невиданной силой.

А Колька ничего не отвечал. Он вновь мрачно помалкивал. Некоторые считали, что он любил переговариваться с птицами лишь потому, что ему нечего сказать людям. Но на самом деле ему было бы что рассказать, если б он захотел...

О чем бы он мог рассказать...

Отец проектировал алюминиевые заводы, но, когда поднимались их корпуса, нигде – ни на кирпичках, ни на крыше, ни на трубе – не было написано, что тут есть частица и его, отцовского, труда. К тому же Колькиных приятелей вообще не пускали на территорию завода, и они не могли удостовериться в том, что его отец занят большим, трудным делом. А то, что без Колькиной мамы дворовая волейбольная команда не может сражаться со своими противниками, раньше, когда Колька еще ходил в детский сад, знали все.

Колькину маму никто по имени-отчеству не величал: все, даже ребята, называли ее просто Лёлей... «Вот придет наша Леля с работы, мы вам покажем!» – кричали они волейболистам соседнего двора. И Колька ходил гордый, будто он сам умел гасить так, что все игроки по ту сторону сетки боязливо приседали на корточки, будто это он сам «подавал» так, что мяч стремительным черным ядром пролетал в нескольких миллиметрах над сеткой, чудом умудряясь не задеть ее.

Мама выбегала во двор в узких спортивных брюках и в тенниске. Болельщики встречали ее торжествующим гулом, но она прежде всего разыскивала Кольку и усаживала его в самый первый ряд зрителей: на садовую скамейку или прямо на траву... И тут уж Колька сидел скромно, строго, не выражая своего ликования, а лишь изредка обменивался взгля-

дами с мамой.

Это было давно, в далеком северном городе, откуда Колька уже уехал, но он помнил все очень ясно и знал, что не забудет этого никогда...

Отец был намного старше мамы. Он не умел играть в волейбол, плавать диковинным стилем баттерфляй и бегать на лыжах так быстро и легко, как умела мама. И она не заставляла его учиться всему этому. Но зато она научила его тоже ходить в спортивной майке с распахнутым воротом, долго гулять перед сном и делать по утрам гимнастику: она вытаскивала на середину комнаты сразу три коврика – для себя, для отца и, совсем маленький, для Кольки.

А еще она научила отца судить волейбольные матчи. И когда отец со свистком во рту усаживался сбоку, возле сетки, он тоже казался Кольке, а может быть, и всем остальным совсем молодым человеком. Его в те минуты тоже хотелось называть просто по имени... Хотя никто его все же так не называл.

Зато вслед за мамой все уважительно именовали его: «О, справедливейший из справедливых!» И папин свисток был для спортсменов законом. Возвращаясь домой после волейбольного сражения или вечерней прогулки, отец часто говорил маме: «Мне снова легко дышится... Снова легко!» И это было очень важно для отца, потому что он страдал бронхиальной астмой.

Ну а дома судьей была мама. Она никогда не давала гром-

кого свистка, никогда не напоминала вслух о правилах жизни, но отец и Колька весело и добровольно подчинялись ее решениям, потому что эти решения были честными. Мама тоже часто повторяла: «Это справедливо!» И Колька злился на Олю Воронец еще и за то, что она, как ему казалось, присвоила любимое мамино слово.

Мама работала воспитательницей в детском саду. И Колька был у нее в группе. Иногда он обижался, что к остальным пятнадцати малышам мама была так же внимательна, как и к нему. А может, еще внимательней. Однажды он разревелся по этой причине. Мама высоко подняла его и, серьезно глядя ему в глаза, сказала: «У меня нет никого роднее тебя. И не будет. Запомни это». Колька успокоился. И запомнил.

В детском саду он не раз слышал, как мамы упрасивали директора: «Переведите ребят в группу к Лёле. Она такая добрая и хорошенькая...» То, что маму называли доброй, было очень приятно. Но слово «хорошенькая» не нравилось Кольке. «Она не хорошенькая, а хорошая!» – про себя возражал он, не понимая, что слово это относилось не к маме, а только к ее лицу – юному и озорному.

Однажды летом отца стали душить частые приступы астмы: климат далекого северного города стал опасным союзником папиной болезни.

«Я увезу тебя к самым лучшим врачам: к реке, к свежему воздуху... И они вылечат тебя! – сказала мама. – Мы заберемя в глушь и будем жить, как робинзоны!»

Втроем они ехали поездом, потом на грузовике, потом шли немножко пешком – и забрались туда, где воздух был сухим, а природа именно такой, какую долгие годы прописывали отцу доктора, приговаривая: «Но все это, конечно, недостижимый идеал. Поэтому обратимся-ка лучше к таблеткам и каплям!»

Доктора не были знакомы с мамой и не знали, что она умела делать «достижимым» все, что нужно было отцу и Кольке.

Раньше дома, по вечерам, мамино возвращение с работы мигом преображало все: утолялся голод, комната становилась уютной и чистой... И если мама задерживалась, Колька и отец чувствовали себя какими-то неустроенными, словно сидели на вокзале в ожидании поезда, который опаздывал и неизвестно когда должен был прийти.

То было дома, в городской квартире... А тут, на берегу реки, мама вдруг проявила такие способности, каких даже Колька с отцом не ожидали. Отец по утрам планировал предстоящий день отдыха, а мама смеялась: «Эх ты, проектировщик! Теоретик мой неисправимый!..» И разжигала печку в домике лесника или даже костер прямо в лесу, и варила суп, картошку, кипятила молоко...

Отец посвежел, забыл про свои лекарства. «Теперь мы с вами три богатыря!» – говорила мама. Но однажды вечером легла на бок, побледнела и, увидев испуганное Колькино лицо, заулыбалась как-то неестественно, через силу. Колька вдруг почувствовал, что выражение «земля уходит из-под

ног» – это не выдумка, не преувеличение: ноги его подкашивались от волнения и он не ощущал под собой твердого дощатого пола.

Пожилой лесник, отец и Колька на брезентовой плащ-палатке несли маму в деревню, что была в пяти километрах. к домику лесника нельзя было подъехать даже на телеге. Мама все время держала Кольку за руку (не отца, не лесника, а только его – Колька навсегда запомнил это!). Она то и дело, быть может почти бессознательно, повторяла: «Ничего... Не волнуйтесь, пожалуйста. Не волнуйтесь...» И только изредка спрашивала: «Еще долго? Еще долго?..» А они, все трое, молчали.

Колька думал о том, что отец, когда ему было плохо, становился по-детски растерянным и, казалось, хотел переложить на окружающих свои страдания или хотя бы поделиться с ними своею болью, мама же все время пыталась снять с их плеч тяжесть и страх. «Не волнуйтесь, пожалуйста. Не волнуйтесь...»

В лесу быстро темнело. Идти было трудно. И все, что еще недавно казалось таким заманчивым – непроходимые заросли, глухое переплетение ветвей, – все это сейчас было враждебно и ненавистно Кольке. «Еще долго? Еще долго?..» – спрашивала мама.

Из деревни они позвонили в райцентр, что был за двадцать пять километров, в больницу. «Скорая помощь» добиралась из райцентра целую вечность, хотя по часам выходи-

ло, что ехала она всего около часа.

Молодой человек в белом халате, очень неразговорчивый, даже не поздоровавшись, стал сразу осматривать маму. А потом коротко сообщил: «Аппендицит». Садясь в белую машину с красным крестом впереди, на круглом фонаре, он произнес еще два слова: «Надо успеть». Отец тоже сел в машину. И она умчалась. А Колька даже не догадался сказать... чтобы и его взяли с собой.

Он стоял возле сельсовета, рядом с пожилым лесником и мысленно повторял последние мамины слова, тоже обращенные не к отцу, не к врачу в белом халате и не к пожилому леснику в резиновых сапогах, а только к нему, к Кольке, к нему одному:

– Все будет хорошо. Аппендицит – это ерунда. От этого не умирают...

* * *

Мама умерла. Это было давно, в тот год, когда Колька еще только собирался на свой первый школьный урок. А теперь он уже был в шестом классе...

Прошли годы. Но Колька ни на день не забывал строгого молодого человека в белом халате и короткую фразу: «Надо успеть». Почему же они не успели?..

Странная, непонятная людям привычка появилась у Кольки – почти каждого нового знакомого он спрашивал: «У

вас был аппендицит?»

«Был, – отвечали ему. – Вырезали. Ерундовое дело!»

И снова все та же неотвязная мысль рвала сердце: «А если бы больница оказалась ближе? А если бы дорога в лесу была проходимее?» Он слышал мамин голос: «У меня нет никого роднее тебя. И не будет».

То далекое лето, поначалу такое беспечное, неотступно стояло перед его глазами и никак не хотело становиться воспоминанием...

Возле старого дуба

Начальник лагеря обожал принимать делегации. Тогда в любую жару он появлялся среди душного леса в темном костюме и при галстукe. Как экскурсовод, ходил он с вытянутым вперед указательным пальцем, объясняя, что беседка называется беседкой, а библиотека – библиотекой; похлопывал по плечу всех встречающих ребят, хотя в остальные дни еле с ними здоровался, и тоном во все вникающего отца родного невпопад задавал вопросы: «Ну, как прошла линейка? Что было на совете лагеря?»

«Линейка» и «совет лагеря» – это были те немногие пионерские термины, которые он знал наизусть. Почти никто из ребят не помнил его имени-отчества, а все так прямо и называли – начальником. Он, казалось, был твердо убежден, что пионерлагерь для того главным образом и существует, чтобы его можно было показывать комиссиям и туристам.

Оля не любила начальника лагеря. И однажды, когда руководство из построюкома оглядело все лагерные объекты, когда начальник утомленно произнес свою любимую фразу: «Вот так мы и живем!», а руководство благодарно ответило ему: «Хорошо живете!», Оля неожиданно для всех вмешалась в разговор:

– И все это сделал Феликс!

– Кто-кто? – подчеркивая свое особое внимание к «голо-

су детей», заинтересовалось руководство. – Пионер? Как его фамилия?

– Нет, это старший вожатый... Феликс! Мы его по фамилии не называем.

Начальник лагеря побледнел, а руководство что-то записало в блокнот, на обложке которого было золотом выгравировано: «Делегату профсоюзной конференции».

Феликс тоже не любил начальника и работал в лагере потому, что не хотел на целое лето расставаться с ребятами, которых знал уже три с лишним года: в школе у них он был старшим вожатым. И подрабатывать ему было необходимо.

– Органичное сочетание лирики с прозой жизни, – говорил он.

Еще мальчишкой в Крыму Феликс наткнулся на мину, и ему оторвало правую руку.

«Эхо войны!» – говорил он, поглаживая свой пустой рукав, заправленный за пояс.

Ребята слагали легенды о его левой руке: он мог с ее помощью вскарабкаться на вершину любой, даже самой высокой сосны; сколько угодно раз переплыть широчайшую реку; превратить в подкову кусок металла...

Кольке Свистуну казалось, что характер Феликса был чем-то неуловимо похож на характер мамы: старший вожатый не любил перекладывать на плечи окружающих свои заботы и никому не жаловался на то, как это трудно целые дни проводить в школе, да еще учиться заочно на третьем кур-

се пединститута, да еще быть начальником городского штаба дружинников. Впрочем, Колька находил мамины черты у всех хороших людей, которые встречались ему на пути.

Да, много разных дел было у Феликса, но ребята больше всего гордились тем, что их вожатый стал главным дружинником в городе. Они рассказывали, что Феликс отважно и хладнокровно «одной левой», как говорили они, распутывал самые жуткие и загадочные преступления.

По вечерам, когда, перебивая друг друга, как заговорщики, то громче, то тише переговаривались деревья, а заросли, окружавшие лагерь, были полны приглушенных шорохов, девочки, поживаясь, просили Феликса поведать о том, как он расправлялся с бандитами и другими особо опасными нарушителями спокойствия.

«Извините... Я, конечно, очень виноват перед вами, но „особо опасных“ нету, – полушепотом, в тон девочкам, ответил как-то вожатый. – И не потому, что городок еще маленький и совсем новый. Завод, стройка да тридцать или сорок домов. Надо сосчитать... Если же „опасные“ вдруг появятся, мы с ними справимся. Вот увидите! Ненавижу бандитов... Даже „начинающих“! Ненавижу...»

«Вот уви-идите!» – часто повторял Феликс, многозначительно растягивая слово «увидите», словно заглядывал при этом куда-то с высоты своего длиннющего роста.

«Старший вожатый обязан быть длинным, – говорил Феликс. – Ведь он один на всю школу. Так вот, чтобы вам легче

было разыскать его, он должен возвышаться. Как я, например».

Иногда Оля Воронеж помогала Феликсу и тоже ходила по городу с красной повязкой: он доверял ей. За ними увязывалась и Олина подруга по прозвищу Белка.

В самый последний лагерный день все собрались возле старого дуба. Там всегда провожали лето... Потрескивал костер, словно кто-то тихонько надламывал сухие поленья и сучья. Искры оранжевыми бабочками взлетали и таяли, так и не добравшись до узорчатого шатра, образованного ветвями. Звезды просвечивали сквозь листву, словно подглядывали, что это там, возле костра, происходит?

Вперед вышла председатель совета лагеря Люба Янкевич – длинноногая и нескладная девочка, которая всегда казалась выросшей из своих платьев, стеснялась этого и прятала смущение за нарочитой самоуверенностью. Она объявила:

– Мы сегодня прощаемся не только с летом и лагерем... Мы прощаемся с Олей. Но я убеждена, я уверена, что наша дружба...

Все стали искать глазами Олю Воронеж. В темноте это было не так уж легко, и, чтобы перестали вертеть головами, Оля поднялась и вышла к костру.

– До свидания, – сказала она. – Хотя мы можем больше никогда не увидеться...

Феликс тоже вышел к костру. Погладил пустой рукав: он волновался.

– Я хочу попросить Олю переписываться с кем-нибудь... Чтобы он пересказывал Олины письма нам всем.

– Почему «он»? А может быть, это будет она? – ревниво вскочила со своего места лучшая Олина подруга Аня Черемисина, прозванная за свои рыжие волосы и непоседливость Белкой. – Может быть, будет переписываться не он, а она! – вновь крикнула Белка.

– Я хочу, чтобы это был «он», – с неожиданной настойчивостью повторил Феликс, который обычно не навязывал своих предложений. – Именно «он»! Коля Незлобин... И отвечал ей. Как бы от нашего имени. Не можем же мы в данном случае творить коллективно!

Сухие поленья и сучья в костре стали надламываться гораздо громче: лагерь изумленно затих.

– Он только с птицами разговаривать может, – сказал кто-то из темноты.

Колька сидел далеко от костра. Он молчал, потому что не верил своим ушам. И, словно для того, чтобы он им поверил, в одно его ухо вдруг пополз противный, захлебывающийся слюной шепот:

– Эх ты, тютя! Над тобой издеваются, а ты? Она же тебя перед всеми по гроб жизни опозорила, а ты ей теперь будешь писульки посылать: «Люблю! Целую! Жду ответа...»

Нет, не один Колька в лагере был зол на Олю – ее, оказывается, не любил и наглый паренек Рудик Горлов, хотя вслух об этом говорить боялся. Зато сейчас он прямо втиснулся в

Колькино ухо и ужасно при этом плевался, так что Кольке стало не по себе, и он отодвинулся в сторону.

Минуту назад Колька собирался вскочить и крикнуть: «Никогда не напишу ей! Ни одной строчки!», но он не захотел слушаться «мокрых» подсказок Рудика – и промолчал.

А Оля, не скрывая удивления, сказала:

– Пожалуйста... Если мне дадут такое странное поручение, я его выполняю.

– Это просьба, – уточнил Феликс. Но его просьбы и советы были законом, будто и их он давал «одной левой». – Чем чаще вы будете писать друг другу, тем лучше: мы не хотим с тобой расставаться, Оля. Не хотим.

Белка вскочила опять:

– А почему она должна писать именно... Свистуну?..

– Коле Незлобину, – поправил ее Феликс. Погладил пустой рукав – и как бы поставил точку.

Клетка без птицы

Через три года после смерти мамы Колькин отец женился.

В дом пришла Елена Станиславовна, работавшая с отцом в проектной конторе. Она пришла не одна: с нею вместе явилась и ее дочка Неля.

Неля была на год моложе Кольки, но в доме она сразу сделалась старше, как бы важнее, потому что училась в музыкальной школе. В большой комнате, на самом видном месте, было установлено черное блестящее пианино, и оно сразу заполнило собой всю квартиру...

Перед тем как переехать к ним в дом, Елена Станиславовна спросила у Кольки, не возражает ли он против этого. Колька не возражал... Потом она долго беседовала с ним и назвала эту беседу «очень важной для всей их дальнейшей совместной жизни».

Елена Станиславовна сказала, что Колька со временем, конечно, будет называть ее мамой, а Нелю – сестрой; Неля же, тоже со временем, станет называть Колькиного отца папой, а все вчетвером они непременно должны будут стать друзьями.

Она добавила также, что никто в семье не должен иметь «привилегий».

Неля не «со временем», а прямо-таки с первого дня стала говорить Колькиному отцу «папа», и он несколько дней

вздрагивал от неожиданности, когда она его так называла.

– Вот видишь, – сказала Елена Станиславовна Кольке, – Неля хоть и младше, но подала тебе пример.

А Колька не мог... Елена Станиславовна была, наверно, очень хорошей или, как говорил отец, «глубоко порядочной» женщиной, да и Неля ничего плохого пока Кольке не сделала, но друзьями они никак не становились, хоть это, по проекту Елены Станиславовны, обязательно должно было совершиться.

Елена Станиславовна зорко следила за тем, чтобы Колька и Неля в одно и то же время утром вставали, а вечером ложились спать, поровну ели за завтраком, за обедом и ужином (Кольке даже доставалось больше, потому что он, как подчеркивала Елена Станиславовна, «должен стать мужчиной»), но Нелино пианино, ее призвание, ее музыкальное будущее не оставляли в доме даже крохотного местечка для Колькиных увлечений, которые, впрочем, пока и не обнаруживались (если, конечно, не считать птиц), но, может быть, могли еще появиться...

В доме от Кольки ничего особенного не ждали, были вполне удовлетворены, когда он получал тройки, хотя от Нели строго требовали одних лишь пятерок.

С приходом Елены Станиславовны отцу как-то сразу стало ровно столько лет, сколько было по паспорту, – сорок пять. Он уже не судил волейбольные матчи во дворе (Елена Станиславовна назвала это мальчишеством), не ходил в

спортивных рубашках с распахнутым воротом и, хоть Елена Станиславовна чуть ли не каждую неделю водила его к врачам, чувствовал себя неважно. «Ты забываешь о своей болезни!» – с укором восклицала Елена Станиславовна.

А мама как раз старалась, чтобы отец об этой болезни не вспоминал...

Да, у новой жены отца характер был совсем другой, чем у мамы. И другой характер стал у всего дома. Он был теперь аккуратным и подтянутым, словно застегнутым на все пуговицы, как строгий темно-синий жакет Елены Станиславовны.

Мамин портрет, которого Колька даже не видел раньше, Елена Станиславовна повесила на самом видном месте, над черным блестящим пианино, и, когда приходили гости, громко всем сообщала: «Это первая жена моего супруга. Она была прекрасной женщиной. И нелепо погибла от аппендицита. Ее звали Еленой Сергеевной...» Кольке хотелось возразить, хотелось сказать, что маму звали просто Лёлей. Ему почему-то было неприятно, что полное мамино имя совпадало с именем Елены Станиславовны. Хотя, наверное, он был несправедлив...

* * *

В тот памятный день, когда Колька вернулся из пионерского лагеря, в центре стола красовался пирог, купленный

Еленой Станиславовной в соседнем магазине «Кулинария». Мама когда-то сама пекла пироги к праздничным дням и вообще даже в будни любила повозиться на кухне. Елена Станиславовна предпочитала полуфабрикаты и готовые обеды, которые Колька и Неля по очереди (чтобы никто из них не имел привилегий!) таскали в судках из столовой строителей. Елена Станиславовна говорила, что «такая форма ведения домашнего хозяйства – наиболее прогрессивная и современная, если учитывать занятость наших женщин».

Ко дню Колькиного возвращения Неля выучила новую музыкальную пьесу – бравурную и торжественную, подобную маршам, какими встречают победителей сражений. А Колька появился на пороге с облупившимся на солнце носом и со старым, тоже облупившимся чемоданчиком.

Неля бросилась к своему круглому вертящемуся стулу без спинки, откинула блестящую крышку пианино – и грянул марш. Но она не сумела доиграть до конца...

– Где моя Черная Спинка? – крикнул Колька, заглушая пианино.

Черной Спинкой он называл раненую чайку, которую нашел прошлым летом на реке, возле лагеря, и всю зиму лечил.

– Она... была на кухне, – ответил отец. И двинулся навстречу Кольке с распростертыми объятиями. – Здравствуй!

Колька увернулся от его рук, бросил свой чемоданчик на тахту и выскочил из комнаты. Все трое – отец, Елена Станиславовна и Неля, – переглянувшись, неуверенно двинулись

за ним.

В кухне на столе стояла пустая клетка... Это была не обыкновенная клетка, какую можно купить в зоомагазине, — она была самодельная, очень просторная, так что птица чувствовала себя в ней свободно и не должна была натекать на деревянные перекладыны. Эту клетку Колька построил очень давно, с маминой помощью, и она бы, наверное, вполне подошла даже для ширококрылого горного орла, а не только для скромной чайки. Внутри клетки, в горшочке с землей, рос куст, чтобы птица, если бы она не была речной чайкой, могла, присев на него, вспомнить свой родной лес. Сейчас листики на кусте свернулись в сухие трубочки: его, наверное, давно уже никто не поливал.

Дверца клетки, которая вполне походила на дверь, была открыта. В пустой банке из-под консервов валялось несколько желтых зерен.

— Вы давали ей рыбу? — тихо спросил Колька.

— Нет... У нас не было времени возиться с рыбой, — ответил отец. — А вот зерна...

Колька боялся задать главный вопрос, оттягивал его.

— А ногу ей перевязывали?

— Да... бинтом.

— Но ведь тут, на кухне, темно, жарко... и пахнет газом. Зачем же вы ее... сюда?

— Ты знаешь, Николай... — Отец в ответственные минуты всегда называл его так. — Ты знаешь, что Неля нигде летом не

отдыхала, что она много занималась, а птица кричала, хлопала крыльями, чем-то там шуршала. Ну, в общем, мешала ей...

Колька со злостью взглянул на худое и бледное личико Нели. Она и правда все лето была в городе, потому что хотела заниматься с известным профессором – преподавателем консерватории. Профессор этот приехал на два месяца из Ленинграда в гости к своему сыну, инженеру-строителю.

– Черная Спинка, значит, тебе очень мешала? – все так же тихо, еще избегая главного вопроса, спросил Колька у Нели.

– Да, мешала! – звонко, дребезжащим от надвигающегося плача голосом ответила девочка.

– Недаром тебя в школе зовут Писклей!

– Еще бы... Ведь я сестра Свистуна!

– А ты мне не сестра... – выпалил Колька.

– Вот видишь, мама? Ты видишь!.. – Голос Нели становился все тоньше, будто внутри у нее нервно, ту же и ту же натягивалась незримая глазу струна.

Наконец струна лопнула: разрыдавшись, девочка бросилась обратно в комнату.

До сих пор Елена Станиславовна молчала. В глубине души она считала, что должна была более чутко отнестись к Колиной просьбе, внимательней последить за больной птицей. Она даже готова была вслух признать свою вину, но последняя Колькина фраза мигом изменила все ее намерения.

– Как ты можешь так, Коля? Неля видит в тебе своего бра-

та, она готовилась к твоему возвращению... И эта Черная Спинка действительно мешала ей заниматься!

— Где же она сейчас? — спросил Колька, не слыша ничего, кроме того, что касалось его любимой птицы.

Елена Станиславовна опустила голову.

— Она сдохла, — набравшись мужества, ответил отец.

Колька качнулся... Его поразило и то, что не стало любимой птицы, для которой он привез из лагеря целую банку мальков, и то, что отец сказал о ее смерти вот так прямо и грубо.

— Она умерла... а не сдохла. Умерла из-за вас! — крикнул Колька, сдерживая слезы, чтобы не быть в этот момент похожим на Нелю. Он схватил огромную клетку и, неловко волоча ее впереди себя, спотыкаясь, побрел во двор.

Холмик во дворе

Лечить больных, раненых и обмороженных птиц Колька начал давно. Мама называла его птичьим доктором, а большую клетку, которую они смастерили вместе, – птичьей лечебницей. Колька выпускал своих пациентов на вольную волю, как только они выздоравливали. Птицы нетерпеливо вырывались из клетки, и Кольке от этого бывало немного не по себе.

«Неужели они... совсем не привыкают ко мне? – спросил он у мамы. – Так торопятся улететь...»

«Им просто не терпится показать тебе, как окрепли их крылья. Они хотят убедить тебя, что совсем уже выздоровели и готовы к полету. В этом-то, может, и заключается их благодарность...»

Но не все Колькины пациенты выздоравливали. Как-то зимой он подобрал во дворе вздрагивавший комочек. Что это за птица, он так и не узнал. Колька закутывал ее в вату и байку, ставил компрессы, поил ее сладким горячим чаем. Но птичка никак не согревалась... Кольке казалось, что она даже кашляет и чихает – по-своему, еле слышно. Весной, когда Колька открыл дверцу клетки, птичка никуда не полетела, а, наоборот, забилась в угол, прижалась к деревянным планкам. Вскоре она умерла. Колька похоронил птичку во дворе, на газоне, за изгородью, чтобы никто случайно не наступил

на маленький холмик, не разрушил его. Холмик зарос травой и стал казаться маленькой зеленой башенкой, поднявшейся из-под земли.

Сейчас Колька, сидя на скамейке и положив голову на огромную самодельную клетку, думал о том, что его любимую Черную Спинку никто, конечно, не похоронил, что ее просто выбросили куда-нибудь в мусоропровод или в урну, стоявшую во дворе. «На пианино играет! – со злостью думал он о Неле, виня почему-то во всем ее одну. – Музыку любит! А больную птицу – на кухню: в духоту, в темень... Верно я сказал, что девчонки – предательницы. Все до одной!..»

Как бы вызванный этими его мыслями, сзади раздался певучий голос:

– Послушай, Свистун...

Он узнал Олю Воронец и, не повернув головы, продолжал угрюмо глядеть на зеленый холмик за деревянной изгородью. Тогда Оля сама подошла к изгороди, чтобы Колька мог и ее увидеть, не меняя своей позы. В руках у нее был карандаш и блокнотик.

– Я вот тут последние дела записываю на дорогу. Адреса, телефоны. Мне номер твоей квартиры нужен: нам же с тобой переписываться... придется. В одном доме живем, а квартиры твоей не знаю.

– Сорок третья... – ответил Колька, не отводя глаз от холмика и по-прежнему опершись щекой о пустую клетку.

Оля записала с таким видом, будто ей это было вовсе не

нужно, но она просто обязана была: задание – ничего не поделаешь!

Она спрятала свой блокнотик и уже сделала шаг в сторону, но вдруг задержалась и спросила:

– Ты что на газон уставился?

Колька промолчал. Она не уходила.

– Откуда у тебя такая громадная клетка?

– Сам сделал.

– Зачем такую большую?

– Ты на одном месте... целый день сидеть можешь? – вопросом ответил Колька.

– Нет.

– И птица не может.

– А где она? Выпустил, что ли?

– Нет, она умерла...

– И ты из-за этого такой... грустный? Из-за птицы?

– Скажи еще: «Из-за какой-то там птицы!...» Все так говорят.

– Зачем же?..

Оля присела на корточки и снизу заглянула Кольке в глаза.

– Чего тебе? – отмахнулся он. И с ужасом почувствовал, что глаза его сами собой становятся мокрыми. Он изо всех сил напрягся, но ничего поделать не смог – слезы стояли в глазах.

– Что ты? – дрогнувшим голосом сказала Оля. – Из-за

птицы?..

Он мог бы объяснить: ему тяжело не только из-за этой... вдруг опустевшей клетки. А и потому, что, вернувшись, он не почувствовал, что приехал домой, хоть на столе красовался пирог и встретили его торжественным маршем. Он мог бы объяснить, что в прошлом году летом переписал из газеты чужие стихи и выдал их за свои и попросил Олю прочитать в родительский день, чтобы доказать Елене Станиславовне и отцу, что тоже чего-то стоит и чем-то на свете увлекается... кроме своих птиц. Оля, как всегда борясь за справедливость, отыскала тогда эти стихи в газетной подшивке (и как только они запомнились ей!), а потом, подойдя к Кольке, тихо, чтобы никто не услышал, но очень отчетливо произнесла: «Позор! Это же воровство». И разорвала стихи на клочки... Другим она сказала, что стихи были просто плохие. «А обещал написать хорошие... – добавила она при всех, обратясь к Кольке. – Эх ты, Свистун!»

В тот родительский день, после концерта, Колька слышал, как мамы допытывались: «Почему ты не пела?.. Почему ты не выступал? Почему не участвовал в пьесе?..» А отец и Елена Станиславовна ничего не спросили у Кольки. Они вручили ему пакет с фруктами. Такого большого пакета не привезли, кажется, никому. И всё... Но разве Кольке нужны были эти фрукты? Он предпочитал лесную костянику и ягоду рябины, от которой сводило челюсти, но которую его научили любить птицы.

Все это он мог бы объяснить Оле Воронец, когда она, сидя на корточках, упрямо заглядывала ему в глаза. Но он ничего ей не рассказал.

– У тебя две пуговицы на рубашке оторвались, – сказала Оля. – Пришей. Или скажи маме.

– У меня нет мамы.

– Нету?.. А строгая женщина... в темном костюме?

– Это не мама.

– Прости, пожалуйста...

Оля продолжала рассматривать его так, будто до этого дня ей был известен какой-то совсем другой мальчишка, по прозвищу Колька Свистун, а того, который сейчас оперся щекой о пустую клетку, она встретила первый раз. Колька боялся, что слезы предательски потекут по щекам, Оля увидит их и уже не будет сомневаться в том, что он плачет. Ему очень хотелось, чтобы она поскорее ушла, но он не знал, как прогнать ее. И вдруг вспомнил, что Оля злилась, когда в лагере называли ее красивой, она тут же прекращала разговор и, с ненавистью взглянув на своего собеседника, удалялась независимой быстрой походкой. Он вспомнил это и, не поворачивая головы в ее сторону, сказал:

– А правду говорят, что ты... красивая.

– Ты это на газоне разглядел?

Оля не рассердилась и не сорвалась с места. Колькины слова были ей, кажется, даже приятны. По крайней мере, она пригладила волосы и расправила свою нарядную плисси-

рованную юбку, которая синим полушарием расположилась прямо на траве, Оля продолжала сидеть на корточках.

Неожиданно Кольку выручил Рудик Горлов, появившийся во дворе с фотоаппаратом.

– А-а... Вот я вас и щелкну! – воскликнул он своим шепелявым голосом. – Интересный получится снимочек: «Последняя встреча перед разлукой!» А когда издадут книжицу под названием «Переписка Оли и Коли», мы эту фотографию на первую страничку тиснем...

Рудик любил уменьшительные слова, и оттого его фразы казались приторными и липкими. В четвертом и пятом классах Рудик сидел по два года и поэтому был старше своих одноклассников, а ходил он летом в коротких штанах, которые именовал «шортами». На голове у Рудика был берет с хвостиком, франтовато сдвинутый чуть-чуть набок.

– Беретик сюда направляется, – зло прошептала Оля. Так она называла Рудика. И поднялась с травы. – Ну, я пойду...

Рудик тут же подскочил к Кольке:

– Что? Помешал?.. Вам ведь только переписочку вести поручили, а на коленки перед тобой становиться ей никто пока что не поручил!

Колька не обращал на него внимания. Он смотрел Оле вслед.

– А ты о деньжатах-то, между прочим, подумал? – не отставал Рудик.

– О каких деньжатах?

– Или ты, может быть, очень богатый? Пионер-миллионер?.. Ха-ха-ха! Три раза в месяц письма посылать! Так Феликс вчера сказал? Это же целых пятнадцать копеек выходит. Полтора рубля, значит, в старом масштабе цен.

Чтобы сумма выглядела повнушительнее, Рудик всегда считал «в старом масштабе».

– По арифметике из двоек не вылезает, а тут словно счеты зашелкал... – вяло ответил Колька. – Какое тебе дело?

– Ты дурачком-то не будь! А если полтора рубля на десять месяцев помножить, это же пятнадцать рублей выходит! В старом, конечно, масштабе. Феликс еще приказал фотографии города ей посылать. Слышал? Чтобы она, так сказать, была в курсе всех изменений... Что ж, ты из своего карманчика будешь выкладывать? Они дали заданьице – пусть и платят! Что он о ней так заботится?

По-прежнему уставившись на газон за деревянной изгородью, Колька угрюмо осведомился:

– Ты знаешь, как тебя называют?

Рудик наострил уши.

– Беретиком...

– Ну и что?

– Неточное прозвище.

– В каком смысле?

– Змееныш ты... вот!

Письма и телеграммы

Коля пишет Оле

Посылаю тебе первое письмо. В этом месяце останется написать еще два.

Коля

Оля пишет Коле

Здравствуй, Коля!

Прежде всего хочу напомнить, что меня зовут Олей, хотя из твоего письма этого узнать невозможно.

И что за письмо такое – полторы корявых строчки? Мне от тебя вообще никаких писем не нужно. Но если все-таки пишешь, то уж, как говорится, «будь добр»...

Оля

Коля пишет Оле

Оля!

Мне от тебя тоже никаких писем не нужно. Но все хотят, чтобы ты рассказала о своем заполярном городе. В книжках

они, что ли, не могут прочитать? Да о нем, об этом городе, в любом учебнике географии написано!

Коля

Оля пишет Коле

Здравствуй, Коля!

Я бы тебе ничего рассказывать не стала (читай в учебнике географии!), но раз просят, я кое-что расскажу.

Знаешь, как называются эти места? Северными воротами! Только за обычными воротами бывает улица или переулок, а за этими – море. Здесь я увидела его первый раз...

Раньше я, когда думала о море, всегда представляла себе золотой пляж и отдыхающих. Но здесь никто не загорает и пляжа нет. Тут в море работают: ловят рыбу. Весь порт пропах ею.

Заводы я здесь увидела совсем не такие, как у нас. Наш алюминиевый – это корпуса, трубы. А рыбные заводы плавают и качаются на волнах. Там, прямо на палубах, рыбу разделяют и солят.

А сколько я видела в порту бочек, ты представить себе не можешь! Если бы все они сразу покатались, то грохот, наверно, был бы слышен у нас в городе. А там, где собрались все бочки вместе, воздух от них такой, как у нас в «Сосновом бору»: смола, свежее дерево.

Я все говорю: «У нас на стройке. У нас на алюминиевом...

У нас в „Сосновом бору“». Никак не могу отвыкнуть. И скажу я... Даже ты отсюда, издалека, выглядишь гораздо симпатичнее. Может быть, и обо мне вспоминают? Папа говорит, что пора уже привыкать к новому месту. Я понимаю, что пора, но ведь по заказу этого не сделаешь – не привыкнешь и не отвыкнешь...

Оля

Коля пишет Оле

Оля!

Все просят тебя не отвыкать... Это ребята просят. А я просто передаю.

Коля

Оля пишет Коле

Здравствуй, Коля!

Есть одно дело. Я хотела еще тогда, во дворе, рассказать о нем, но тебе было не до меня. Я видела... И Беретик не вовремя появился. Потом думала сразу же написать, в самом первом письме, но как-то не решилась, а сейчас вот пишу.

Дело важное, как говорит моя Белка, «невообразимо».

Готов ли ты проявить находчивость, смелость? Подумай, посоветуйся со своими птицами. Ты ведь, кажется, ни с кем

больше не дружишь?

Послушай, что они там тебе напоят, и ответь мне.

Жду письма. Только не двух строчек, а именно – письма.

Оля

Коля пишет Оле

У старого дуба не говорили, сколько надо писать – две строчки или две страницы. Сказали: три письма в месяц, и все.

Сейчас, в начале учебного года, у меня много времени. Поэтому, если очень уж надо, пиши про свое «дело».

Коля

Оля пишет Коле

Коля!

Если тебе в начале учебного года нечем заняться, советую побольше гулять, дышать свежим воздухом. Можно еще поваляться на диване или сходить лишний раз в кино. А с моей просьбой «от нечего делать» не справишься. Поверь, Коленька: ничего не выйдет! Так что я ее отменяю.

Видел ли ты когда-нибудь людей, имена которых можно прочесть на географической карте? А я вчера видела такого человека. Я всегда думала, что «морские волки» – здоро-

вяки, геркулесы. А этот сутулый старичок сказал мне: «Вот перед чем бури должны отступать!» И похлопал себя сперва по голове, а потом по левому карману. Рудик, конечно, сразу решил бы, что он имеет в виду деньги. А он имел в виду сердце, душу свою морскую. И смекалку!

Помнишь, учительница литературы советовала нам записывать в особую тетрадку слова с двойным значением – ну, например: «ключ от двери» и «горный ключ». Помнишь, тогда на уроке Рудик вскочил и выпалил: «С одной стороны – поэт Блок, а с другой – блок, на который веревку наматывают!» Все смеялись... А он просто хотел показать, что читает поэтов, которых мы еще не проходили.

Ты думаешь: к чему я пишу все это? А к тому, что слово «банка», представь себе, тоже имеет два смысла. Есть, оказывается, у него очень поэтичное значение: возвышение морского дна тоже называется «банкой». И возле такой «банки» всегда водится много рыбы. Отыскать ее – это счастье для моряков! Сутулый, морщинистый старичок, которого я вчера видела, отыскал. Тогда он еще не был старым...

Никто ему сперва не верил. И он все выходил и выходил в любую непогоду, пока не доказал, что рыбы там, возле новой «банки», видимо-невидимо.

«Банку» и назвали его именем. Справедливо! Скучаю я, Колька. По улицам нашим, по Белке, по Феликсу... И письмо тебе длинное пишу потому, что кажется, будто с ними сейчас разговариваю. Передай им это письмо.

Кстати, ты опять забыл, что у меня есть имя: Олей меня зовут.

Коля пишет Оле

Здравствуй, Оля!

Письмо твое передал. Все были рады.

Да, между прочим... Если это так важно, я могу выполнить твое «дело».

Коля

Оля пишет Коле

Я несколько раз перечитала, Коля, твое письмо. Благо это не заняло много времени: в нем ровно три строчки. Но наконец-то ты написал слово «Здравствуй». Спасибо тебе за это.

А о моем «деле» забудь. Ты пишешь: «Если это так важно...» Да, важно, но не делай мне одолжений. Подумаю, выберу кого-нибудь понадежней и напишу ему письмо. Время не ждет!

Оля

Телеграмма

Никому не пиши. Все выполню.

Оля пишет Коле

Добрый день, Коля!

У нашего старого дуба, когда, помнишь, так жарко горел костер, никто не поручал нам посылать друг другу телеграммы. Так что ты, можно сказать, даже перестарался.

Но телеграмма твоя пришла вовремя – в тот самый день, когда я уже собиралась поручить свое важное дело кому-нибудь другому. Сидела на уроке и шептала себе под нос имена наших ребят...

И почти все мне кажутся отсюда, издалека, очень хорошими, благородными, а плохое куда-то улетучивается из памяти, будто его и не было.

Даже ты, Колька, представляешься мне отсюда просто ангелом. Особенно по сравнению с Вовкой Артамоновым, с которым я сижу за партой. Он раньше один восседал. Меня рядом с ним, на свободное место, и посадили. Он на первом же уроке записку начертал: «Откажись лучше со мной сидеть. Впереди тоже свободное место есть. Давай-ка туда уматывай!»

Я могла бы пересесть, но из принципа осталась. Теперь он на каждом уроке пишет: «Давай, давай отсюда!» Многие его боятся. «Не связывайся!» – говорят. А я с ним и не связываюсь, это он сам... «Я, – говорит, – с первого класса всегда

один за партой сижу. У меня парта люкс! Ее так все называют. Так что мотай отсюда!»

Подумай, Колька: почему он должен один сидеть, если все сидят по двое? Это же несправедливо. Пусть хоть мину под меня подкладывает – не уступлю!

Я только что из школы пришла, а там с Артамоновым поссорилась и никак успокоиться не могу. Некоторые перед ним заискивают. Отцы у них рыбаки, капитаны... И сами с рождения у моря живут. Смешно: Артамонова испугались!

Но я не об этом хотела тебе писать. Я должна была рассказать о своем важном деле. И очень срочно, потому что мама, которая пока еще находится там, у нас, или, вернее, у вас (никак не могу привыкнуть!), через десять дней уедет. И тогда будет поздно...

В следующем письме объясню. А сейчас очень устала. До свидания!

Оля

Оля пишет Коле

Здравствуй, Коля!

Сейчас тебе подробно все растолкую.

Мама моя задержалась потому, что еще не довела у себя в больнице до полного выздоровления, до выписки то есть, пятерых своих давних больных... Вскоре они выписываются – и тогда мама приедет сюда.

Она-то уедет из вашего города, а две наши замечательные комнаты на первом этаже в доме строителей, где мы жили с папой и бабушкой, останутся. Ты знаешь, как трудно у нас там с квартирами, – эти комнаты сразу займут. И очень важно, Коля (запомни это!), кто туда въедет! Ты должен сделать так, чтобы въехала наша школьная гардеробщица Анна Ильинична – ну, та, которая зимой предупреждает: «Уши спрячь. Воротник подними!»

Я давно уже заметила, что она как придет с работы, так со своими дочками-двойняшками, девчонками лет по пяти, до темноты во дворе гуляет. Я как-то даже спросила ее об этом. «Разве, – говорю, – они в детском саду не нагулялись?» Она мне стала объяснять, что свежий воздух девочкам очень полезен. А я по голосу ее почувствовала, что воздух тут ни при чем. Стала я тогда соседок потихоньку расспрашивать, и они мне рассказали, тоже потихонечку, чтобы Анна Ильинична не слышала, что ее семья на десяти метрах умещается – в маленькой комнатухе, при кухне. А ведь их пятеро, представляешь себе. Как же это несправедливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.